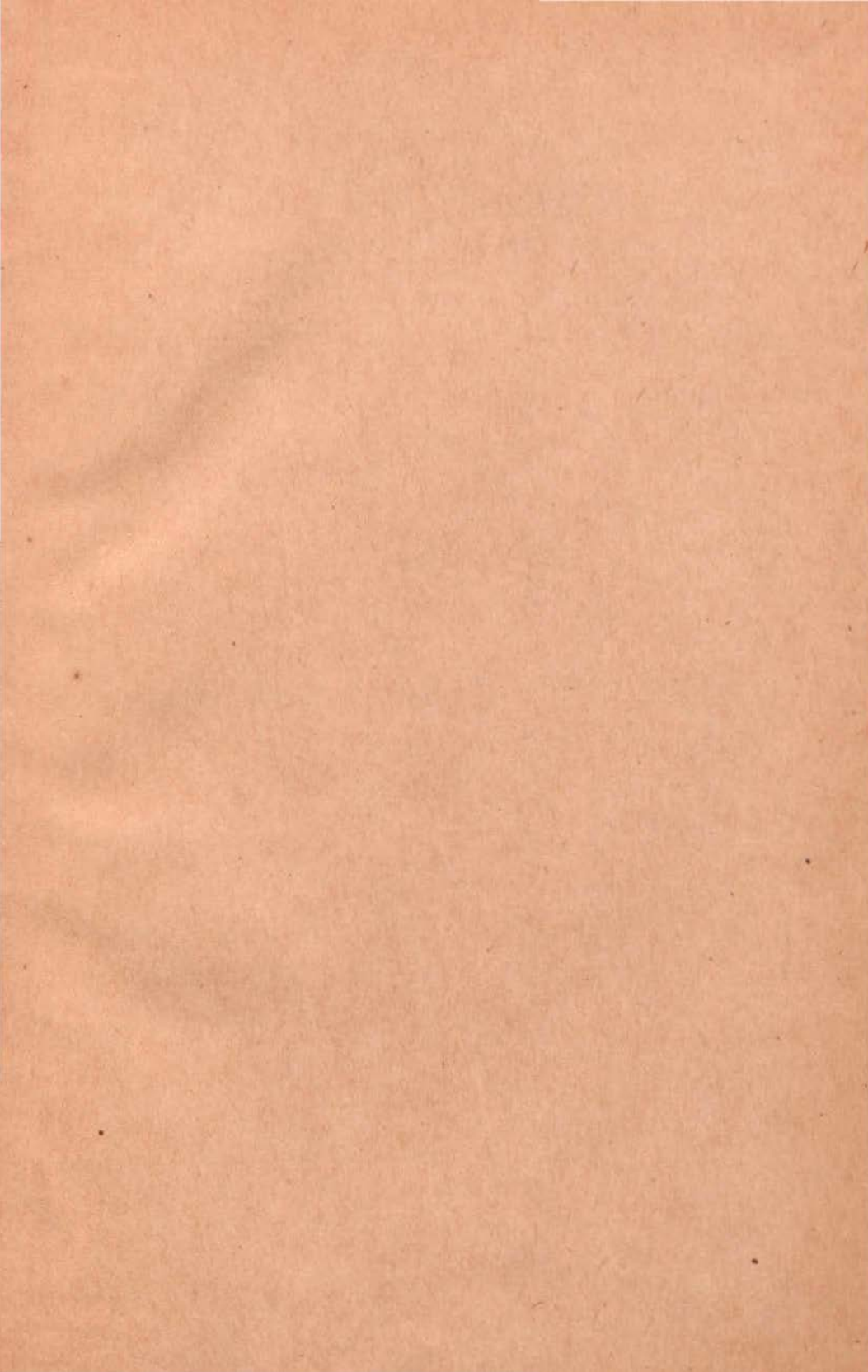

V $\frac{118}{640}$

2010517433

Бытовые условия жизни мальчиковъ.

(Попечитель В. П. Семеновъ).

Въ процессѣ повседневной текущей работы при дѣтекомъ судѣ, гдѣ на смѣну однимъ малолѣтнимъ постоянно притекали другіе,—попечителю приходилось знакомиться съ сотнями дѣтей, ихъ родителями, условиями жизни и жилищной и семейной обстановкой.

Естественно, что передъ нимъ прошелъ рядъ житейскихъ картинъ, изъ которыхъ многія запечатлѣвались въ памяти дѣлкомъ, остальные,—несмотря на все близкое знакомство попечителя съ каждымъ малолѣтнимъ,—вытѣснялись новыми, оставляя по себѣ лишь слѣды, въ видѣ отдѣльныхъ сценъ, лицъ, индивидуальныхъ чертъ характера, окружающей среды или семейной и квартирной обстановки.

Истекъ первый, быть можетъ,—по новизнѣ дѣла,—наиболѣе трудный и наименѣе продуктивный годъ работы попечителя по изученію всѣхъ неблагопріятныхъ условій жизни столичнаго подростка, мѣшавшихъ послѣднему вести честную жизнь.

Годъ—слишкомъ короткое время для выводовъ, но матеріалы попечительскихъ книгъ при судѣ все же даютъ общее представленіе о тѣхъ бытовыхъ условіяхъ, которыя, нерѣдко, доводили малолѣтняго до совершенія проступка.

Уже и статистическія цифры настоящаго отчета—безъ всякаго отношенія къ быту—показываютъ, какъ часто безпризорность (выбравшіе, сироты, полусироты и дѣти разрушенныхъ семей)—служила причиной проступковъ; но безпризорность—не единственная причина, такъ какъ съ судомъ соприкасались и матеріально и морально крѣпкія, цѣльныя семьи, гдѣ имѣлся надлежащій присмотръ.

Въ зависимости отъ положенія, званія и состоянія, различно переживается малолѣтними и ихъ родителями соприкосновеніе съ дѣтскимъ судомъ. Если этотъ моментъ для семьи, живущей на аристократической Морской,—драма, то для обитателя ночлежки или „Горячаго поля“—онъ зачастую не болѣе, какъ случайный эпизодъ. Но это—крайніе полюсы и положеній, и переживаній.

Поступавшіе подъ присмотръ—въ общей своей массѣ—были дѣти малосостоятельныхъ родителей рабочихъ окраинъ и торго-

выхъ кварталовъ Петербурга, въ значительномъ количествѣ прїѣзжіе изъ деревни, а главнымъ образомъ—живущіе съ рожденія или старожилы въ столицѣ. Есть еще категорія иногороднихъ, прїѣзжающихъ въ Петербургъ „на гастролы“,—иногда даже со своими родителями,—но она крайне незначительна.

Прїѣзжіе изъ деревни.

Хороша жизнь въ деревнѣ (часто одно воспоминаніе объ отцѣ, „маткѣ“, братишкѣ, сестренкѣ или о времени, когда онъ былъ въ деревнѣ пастухомъ,—волнуетъ мальчика и вызываетъ на глазахъ слезы),—но бѣдна: состоятельные деревенскіе родители—фигурируютъ рѣдко, чаще и обычно—усадыба, небольшой надѣлъ, не всегда—лошадь, изрѣдка—корова; иногда же бываетъ такъ, что и вовсе „кормиться нечѣмъ“, и какая-нибудь мать-бобылка, съ дѣвочкой, „Христовымъ именемъ побираются“ въ деревнѣ. Является надежда на Петербургъ.

Помимо общей этой причины—матеріальнаго недостатка, встрѣчаются и частныя или просто игра слѣпого случая: умеръ ли отецъ, мать или оба родителя, а тутъ подвернулся прїѣхавшій изъ Петербурга землякъ; пропилъ ли отецъ закрѣпленную землю и все хозяйство („такъ, что даже и иконы“); случайно ли натолкнулся въ деревнѣ художникъ на оброшеннаго полусироту, отецъ котораго еще при жизни покойной матери бросилъ семью и живетъ „спутовавшись съ другой“; явилось ли у состоятельныхъ родителей желаніе при поддержкѣ петербургскихъ родственниковъ или земляковъ—обучить сына какому-либо ремеслу и „вывести въ люди“; появилась ли въ домѣ мачеха, отъ которой „жизня не стало“; состоятельный ли сирота рѣшилъ обучиться ремеслу, „какъ слѣдуетъ,—по настоящему“, чтобъ вернуться потомъ въ деревню, выстроить мастерскую и начать работать „на своемъ капиталѣ“; или, наконецъ, родители рѣшили вовсе расквитаться съ деревней и осѣсть на мѣстѣ, гдѣ случай доставитъ кусокъ хлѣба—во всѣхъ и этихъ случаяхъ судьба забрасываетъ мальчика-провинціала въ Петербургъ.

Но эти обстоятельства только часть тѣхъ многообразныхъ причинъ и случайностей, въ силу которыхъ онъ попадаетъ въ столицу.

По билету или „зайцемъ“, съ родителями или въ одиночку, съ земляками или—будучи взятъ „на комиссію“ извозчикомъ-промышленникомъ, берущимъ на себя передъ родителями малолѣтняго обязательство: на свой счетъ доставить послѣдняго въ Петербургъ,

кормить, давать ночлеги, устроить на мѣсто и только тогда съ барышемъ возмѣстить свои расходы за счетъ хозяина „комиссіоннаго“ ученика (промыселъ, практикуемый ярославскими извозчиками;—набираетъ такой промышленникъ по 10—15 деревенскихъ дѣтей)—пріѣзжаетъ деревенскій мальчикъ въ Петербургъ и начинаетъ устраиваться.

Выжидать приходится недолго. Большинство впервые пріѣхавшихъ изъ деревни быстро находятъ мѣста: уроженецъ столицы—не опасный конкурентъ, хотя бы онъ и прикидывался „деревенскимъ“: опытный глазъ петербургскаго хозяина, которому требуется въ ученѣе именно „деревенскій мальчикъ“, сразу и быстро отличаетъ не только городского кандидата въ ученѣе, но и пріѣзжаго изъ деревни, но уже побывавшаго ранѣе въ столицѣ.

Портной, шапочникъ, башмачникъ, сапожникъ; мальчикъ въ банѣ, овощной, мясной лавкѣ, въ магазинѣ, въ чайной, трактирѣ; булочникъ, бараночникъ, пышечникъ, сбитеньщикъ, торговецъ въ разность; водопроводчикъ, столяръ, маляръ, токарь, плотникъ, печникъ; туфельщикъ, переплетчикъ, жестянникъ, кошатникъ и т. п.—вотъ категоріи профессій, въ сферѣ которыхъ ищеть и находитъ приложеніе своему труду „деревенскій мальчикъ“, вынужденный иногда въ 11-13 лѣтъ самостоятельно рѣшать собственную судьбу въ крупномъ столичномъ центрѣ. И если слѣпой случай не распорядится его судьбой заранѣе, мальчикъ самъ рѣшаетъ ее, какъ умѣетъ, какъ ему легче, проще и „сподручнѣе“.—Поступаетъ онъ куда придется: то въ ученѣе на года (3-5 лѣтъ), съ жалованьемъ (2-3 р. въ мѣс.) или безъ него, но, обычно,—на хозяйскомъ содержаніи (столь и уголь), а иногда и одеждѣ;—то идетъ въ услуженіе, по жалованью (10-12 р. въ мѣс.), приходящимъ,—на своемъ содержаніи; начинаетъ служить или учиться.

Подолгу живущіе на первыхъ мѣстахъ своего ученья или службы—значительно рѣже привлекаются за проступки, легче поддаются вліянію попечителя (вслѣдствіе чего повторные проступки среди нихъ почти не встрѣчаются); да и отношеніе хозяевъ къ такимъ ученикамъ послѣ совершеннаго ими проступка (дома у хозяевъ, или внѣ дома совершенъ проступокъ—безразлично)—въ общемъ болѣе или менѣе снисходительное,—по прежнему—внимательное. Впрочемъ, есть и среди этихъ хозяевъ такіе, которые пользуются совершеннымъ проступкомъ своего ученика, какъ поводомъ вытолкнуть малолѣтняго на улицу, нарушить условіе и не заплатить полагающихся—по условію—оканчивающему ученѣе „выходныхъ“ (25-50 р.). Чаще всего эти случаи своеобразной

расправы имѣють мѣсто тамъ и тогда, гдѣ и когда ученику немного осталось доучиваться.

Ученики же, слишкомъ часто мѣняющіе мѣста (иногда въ годъ до 7 и болѣе разъ, — по причинамъ, лежащимъ то въ самихъ ученикахъ, то въ хозяевахъ и условіяхъ труда), чаще попадаютъ въ заль дѣтскаго суда.

Различно деревенскій подростокъ теряетъ мѣсто и свою устойчивость.

— Служить мальчикъ въ чайной; стоитъ за вырубкой; „мѣсяца 3 честно“ живетъ, а потомъ — начинаетъ понемногу деньги воровать; — продолжаетъ, пока не увольняютъ.

— Мальчикъ въ редакціи. Получаетъ 5 р. въ мѣс., живетъ честно, но со стороны „редактора“ — обращеніе грубое, придирчивое: „воръ“, — другого имени мальчику нѣтъ; и, озлобленный и оскорбленный, мальчикъ — „отомстил“: уворовалъ на 300 руб. мелкихъ, но цѣнныхъ вещей и продалъ за 12 рублей; 9 изъ нихъ истратилъ на одежду, а на 3 р. жилъ, когда былъ уволенъ. Въ результатѣ — гражданскій искъ потерпѣвшаго — возмѣщенъ всей наличностью (200 руб.), хранившейся въ сиротской кассѣ у мальчика отъ умершей матери. — „Отомстил“... Потерялъ 200 рублей сбережній матери за всю ея трудовую жизнь, едва самъ избѣжалъ тюрьмы, и впереди — широкая дорога...

— Плотникъ. Лѣтній сезонъ отработалъ, на зиму — сталъ къ барабанчику; хозяинъ жалованья не платитъ, а мальчику — не во что одѣться; послѣдній — въ счетъ жалованья — удерживаетъ заработанную сумму изъ вырученныхъ денегъ за хозяйскія баранки (разносилъ по мѣстамъ). Уволенъ. Безъ мѣста. Зима; начевать негдѣ. И малолѣтній собираетъ кости и продаетъ тряпичнику, чтобы раздобыться пятачкомъ на ночлежку.

— Водопроводчикъ. Хозяинъ — добрый, но слабохарактерный человекъ; жена же его — слишкомъ энергичная женщина, въ чемъ хозяинъ неоднократно убѣждался и самъ (въ особенности, когда бывалъ пьянъ); ученика — хозяйка „поѣдомъ ѣла“, подъ конецъ — выгнала вонъ. — Малолѣтній — „попутался“ нѣкоторое время, работы не нашель („а пить-ѣсть надо“) и рѣшилъ заняться сръзаніемъ цинковыхъ трубовъ по мѣстамъ, гдѣ работалъ хозяинъ.

— Мальчикъ въ мясной лавкѣ. Жилъ на двухъ мѣстахъ честно; поступилъ на третье. Старшіе приказчики воровали мясо и деньги. Угрозы приказчиковъ и страхъ потерять мѣсто превратили „мальчика въ мясной“ — въ „соучастника дѣянія, предусмотрѣннаго 169 ст. уст. о наказ.“

— Торговецъ въ разность. Торговля по улицамъ; обѣды — по чайнымъ съ биллиардными; тамъ же обѣдаютъ другіе торговцы — подростки. Биллиардная игра; крупный проигрышъ. Съ партнеромъ расплатился, но возникла растрата.

— Печникъ. Шестъ мѣствъ смѣнилъ, проживъ только на первомъ — 1½ года; на другихъ — не болѣе недѣли-мѣсяца. Въ промежуткахъ безработицы — жилъ по ночлежкамъ, „доставая на хлѣбъ“ продажей мелкой посуды.

— Туфельщикъ. Смѣнилъ, — по винѣ сманивавшихъ его хозяевъ, не выполнявшихъ, однако, обѣцанныхъ прибавокъ, — 7 мѣствъ. Безъ работы не жилъ. Привлеченъ по подозрѣнію въ кражѣ, но оправданъ; взятъ размысканной попечителемъ землячкой, пристроившей мальчика въ своей туфельной мастерской.

— Мальчикъ въ чайной; — 6 руб. въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи. Пока былъ отецъ въ Петербургѣ — служилъ и мальчикъ; уѣхавъ отецъ въ деревню, и малолѣтнему „захотѣлось уйти, пожить безъ работы“ и попробовать „легкаго хлѣба“. Ушелъ. Жилъ кражей дровъ и пивныхъ бутылокъ.

— Бетонщикъ. „Это — золото, не мальчикъ, но пока трезвъ; а напьется — буянъ, скандалистъ и тащить всякую дрянъ“, — отзывается хозяинъ. И, повидимому, отзывъ этотъ — не одна словесная „похвала“: послѣ отбытія тюремнаго заключенія малолѣтнимъ — хозяинъ на другой же день пригласилъ его къ себѣ на работу.

Всѣхъ случаевъ и примѣровъ того, какъ деревенскій мальчикъ впервые „свихнулся“ и вступилъ на опасный путь, — не исчерпать. Но для полноты картины — слѣдуетъ сказать, что столичная жизнь, съ одной стороны, — полная увлекающихъ и недоступныхъ для него приманокъ, съ другой — постоянно сталкивающая его лицомъ къ лицу съ болѣе юркимъ, оборотливымъ „натертымъ“ уроженцемъ Петербурга, часто не работающимъ — и въ то же время сумѣвшимъ „доступисья“ къ этимъ соблазнамъ, — эта жизнь порождаетъ въ деревенскомъ подросткѣ завистливое чувство. И невольно, ему хочется „пойти на выучку“ къ болѣе удачливому и счастливому — въ удовлетвореніи своихъ желаній — петербургскому товарищу.

И если своевременно, — сразу, какъ впервые утеряно мѣсто и пока не началась такая „выучка“, — не явится ему на помощь поддержка со стороны (будь то родители, родственники, хозяева, земляки или, наконецъ, попечитель или какая-либо общественная организація) и малолѣтній не будетъ отправленъ въ деревню или прочно устроенъ на мѣсто къ надежному человѣку, — быть бѣдѣ, суда не миновать.

Каждый из этих деревенских мальчиков, потерявших мѣсто,—будучи оторваннымъ отъ родного крова, и сдерживающихъ традицій (въ деревнѣ было бы „стыдно“ отъ близкихъ, знакомыхъ сосѣдей); не имѣя внѣшней поддержки (собственная воля такъ еще слаба); переставъ въ городѣ,—гдѣ всѣ разрознены и другъ друга не знаютъ,—дорожить своей репутаціей и заботиться о ней;—каждый изъ нихъ, неизбѣжно,—при малѣйшей страсти, увлеченіи, даже незначительномъ толчкѣ,—будетъ вовлеченъ въ водоворотъ той жизни... не родилось еще достаточно сильнаго ея названія,—которая армію несовершеннолѣтнихъ столицы—приводить въ залъ дѣтскаго суда.

А когда деревенскій мальчикъ пройдетъ школу ночлежекъ, чайныхъ, участковъ, житья безъ занятій; восприметъ „культуру“, неизмѣнными атрибутами которой являются карты, билліардъ, „выпуски“, кинематографъ, чайныя, сады и трактиры; познаетъ неизвѣстную еще для него, но влекущую, „интересную“ и таинственную обстановку, при которой ведутся „питерскими“ товарищами рассказы о своихъ походахъ, и гдѣ шумно чествуютъ „героя“ („отсидѣлъ“, „убѣжалъ изъ колоніи“ или „оправдался“), и, такимъ образомъ, закончится „выучка“,—онъ уже больше не будетъ носить презрительной клички—„деревенскій“, а самъ станетъ „питерскимъ“.

И напрасно стануть звать такихъ дѣтей родители въ деревню или даже отправлять ихъ туда.—будетъ поздно: въ первомъ случаѣ дѣти не поѣдутъ, во второмъ — вернуться изъ деревни „къ своимъ“ и вольются въ общее русло „обреченныхъ“ столицы, для которыхъ „тюрьма—не страшна“...

Уроженцы и старожилы Петербурга.

Вторая, наибольшая часть дѣтей, родилась, выросла и воспиталась въ Петербургѣ или же давно въ немъ живетъ. Тутъ приходилось начинать знакомство съ дѣтьми—послѣ ознакомленія съ семьей и ея жизнью.

Если попечитель лишень бываетъ возможности детальнаго ознакомленія съ отсутствующими родителями деревенскаго мальчика, то столичная семья, въ тяжелый или „радостный“ (бываетъ и такъ) для нея моментъ появленія сына въ дѣтскомъ судѣ, — вся передъ нимъ; а дѣлящійся затѣмъ присмотръ за малолѣтнимъ, посѣщенія семьи и наблюденія, дополнительная гарантія противъ возможныхъ и неизбѣжныхъ ошибокъ перваго впечатлѣнія.

Прежде всего бросается въ глаза матеріальная необеспеченность столичной семьи, сынъ которой совершаетъ тотъ или иной проступокъ. Правда, имѣется случай, гдѣ въ семьѣ—старшій сынъ окончилъ среднее учебное заведеніе, а изъ 6 остальныхъ дѣтей—4 въ данное время учатся въ гимназіяхъ. Семья эта снимаетъ на Морской квартиру въ 12 комнатъ (за 165 р. въ мѣсяць) и живетъ на капиталъ, оставленный умершимъ отцомъ (мать вдова).

Но на этотъ случай приходится смотрѣть, какъ на исключительный, чуть ли не единственный.

Портной, который имѣетъ свою мастерскую, работаетъ самъ съ семьей и держитъ 2-3-хъ подмастерьевъ, зарабатывая 100-120 руб. въ мѣсяць; дворникъ, получающій въ мѣсяць 60 рублей жалованья и имѣющій до 40 руб. дохода; машинистъ или артельщикъ—съ жалованьемъ въ 75 руб.; или, наконецъ, ветеринарный фельдшеръ, получающій 50 р. жалованья при готовой квартирѣ;—эти семьи приходится уже отнести къ разряду матеріально обеспеченныхъ, по сравненію съ остальной массой недостаточныхъ и бѣдняковъ. Нѣтъ возможности говорить о каждой изъ недостаточныхъ семей въ отдѣльности, но необходимо упомянуть о профессіяхъ, коими эти семьи живутъ, и оплатѣ (средней и приблизительной) труда.

Заработокъ маляра за лѣто—200-300 руб. На эти деньги ему—маляру—приходится жить и кормиться съ семьей круглый годъ, такъ какъ зимой работаетъ онъ случайно.—Заработокъ фабричнаго или заводскаго рабочаго въ мѣсяць—30-50 руб. (женщины—20-30 руб.), газетчика или сапожника и портного (съ постоянными заказами на магазинъ)—25-40 руб.; чернорабочаго и торговца въ разность—20-25 р.; ломового извозчика (при хозяйскомъ столѣ)—8-12 р. Матери (прачки, поденницы, поломойки, прислуга) получаютъ—отъ 6 до 12 руб. въ мѣсяць.

При указаніи своего заработка группой недостаточныхъ семей замѣчалась тенденція понижать его (въ противоположность достаточной группѣ семей), въ какой-то смутной надеждѣ на „воспособленіе“.

Для безработныхъ, бѣдняковъ или живущихъ случайными заработками вопросъ о занятіяхъ былъ смущающимъ и тревожнымъ вопросомъ, за которымъ имъ чуялась готовая страсти бѣда.— и на него отвѣчали неопредѣленно, уклончиво („воровать не ходимъ, а своимъ трудомъ кормимся“), или же вовсе не давали отвѣтовъ, пока не удавалось побороть этого упорства и недовѣрія.

Что касается жилищной обстановки столичной семьи, то она находится въ прямомъ соответствіи со степенью обеспеченности родителей.

За небольшимъ исключеніемъ, живутъ на вторыхъ и третьихъ дворахъ, въ подвалахъ, въ первыхъ или послѣднихъ этажахъ, въ мансардахъ и чердачныхъ помѣщеніяхъ. Грязные дворы, скользкія лѣстницы, сырыя помѣщенія, промозглый и затхлый воздухъ и недостаточность свѣта. Въ собственномъ смыслѣ живущихъ квартирой (подходящей подъ понятіе городской квартиры) немногіе, да и они обычно комнату-двѣ сдаютъ въ наемъ жильцу или (что чаще) нѣсколькимъ жильцамъ; плата за такую квартиру (2-3 комнаты)—20-40 р. Другіе же если и снимаютъ квартиры, то квартиронанимателями ихъ можно назвать лишь условно; это скорѣе „угловые жильцы собственной квартиры“, такъ какъ сами они ютятся гдѣ-нибудь въ каморкѣ, корридорѣ, на кухнѣ или въ углу, сдавая всю квартиру жильцамъ.—Какъ примѣръ такихъ номинальныхъ квартиронанимателей—можно взять семью, состоявшую изъ отца, матери и 5 дѣтей. Снимала она на Старо-Петергофскомъ просп. квартиру изъ 4 комнатъ и кухни,—за 38 р. безъ дровъ, а получала съ жильцовъ (32 взрослыхъ и 11 дѣтей)—50 р. въ мѣсяць, сдавая всѣ 4 комнаты и часть кухни, въ которой помѣщалась и сама; часть угловъ пустовала... Но это сравнительно близко къ окраинѣ. Ближе къ центру, встрѣчалась жилищная обстановка еще болѣе неблагоприятная,—какъ видно будетъ ниже. Малосемейные снимаютъ комнаты (8-12 р.). Остальная часть недостаточныхъ и бѣдняковъ ютится то по полукомнатамъ (встрѣчалось, что за недостаточностью площади пола родители спали на кровати, а дѣти—подъ кроватью, прямо на полу), платя 4-6 р., то по угламъ (2-4 р.).

За городомъ, въ районѣ фабричныхъ и заводскихъ поселеній, какъ напр., у Путиловскаго завода, рабочія семьи чаще, чѣмъ въ городѣ, снимаютъ квартиры (6-12 р.); но онѣ—квартиры—въ деревянныхъ флигеляхъ, рассчитанныхъ на самаго непряхотливаго и малотребовательнаго случайнаго квартиронанимателя, а потому—зачастую лишены даже и тѣхъ необходимыхъ удобствъ, которыми снабжена почти всякая—изъ плохихъ—городская квартира.

Категоріи родителей „непугевыхъ“, „которые спутавшись“,—живетъ попеременно и по угламъ, и по ночлежкамъ. Жильцы комнатъ и квартиръ иногда живутъ подолгу на одномъ мѣстѣ. Угловые же то-и-дѣло переѣзжаютъ съ одной квартиры на другую, то по своей волѣ, то поневолѣ, выселяемые за неплатежъ.

Для иллюстраціи губительнаго вліянія плохой жилищной обстановки и испорченной окружающей среды на малолѣтняго и его отношенія къ родителямъ—возьмемъ квартиру исключительно съ угловыми жильцами (у Сѣвнѣй площади).

Это помѣщеніе носитъ названіе квартиры только потому, что случайно не обращено подъ кладовую, а „приспособлено (на чтѣ указываетъ печь въ углу) подъ жильца“.—Среднихъ размѣровъ (на дверяхъ значится: „объемъ воздуха—17 куб. саж.“) комната (на заднемъ дворѣ) въ 2 окна. Стѣны—грязно-сѣраго цвѣта, съ темными и сальными пятнами; обои, хотя бы въ видѣ лоскутковъ, какъ остатковъ прежней „роскоши“,—не существуетъ. Потолокъ—черенъ и закопченъ. Досчатый погнутый, грязный и заплесанный полъ.—Изъ мебели—5 небольшихъ столикѣвъ (2 изъ нихъ импровизированные: ящики изъ-подъ товаровъ), 2 табуретки (3-я „табуретка“—опрокинутая на дно кадка изъ-подъ сельдей) и ни одного, хотя бы продавленнаго, стула;—и, какъ въ почлежкѣ, вплотную одна съ другой—15 нарѣвъ, среди которыхъ (едва можно протиснуться) два прохода,—къ окнамъ и печкѣ.

Въ комнатѣ всегда царитъ полумракъ. Вечеромъ—лампа-коптилка, а днемъ, даже яркимъ солнечнымъ днемъ,—та же борьба „тѣни и свѣта“, такъ какъ послѣдній проникаетъ только черезъ одно окно, которое къ тому же заслоняется ситцевыми ширмами, отгораживающими нары и „свѣтлый уголь“ „тетки Катерины“ (юркой, зычной и зубастой квартирохозяйки). Другое окно и вовсе не даетъ комнатѣ свѣта, такъ какъ съ трехъ сторонъ, сплошными отъ полу до потолка, деревянными стѣнками-досками отдѣляется отъ нея; это—другой „свѣтлый уголь“, гдѣ помѣщается съ женой зять хозяйки.

На остальныхъ нарахъ, покрытыхъ кучами грязныхъ лохмотьевъ, сидятъ (больше негдѣ), со спущенными на полъ обутыми (сапоги. опорки) или босыми ногами, или лежатъ взлохмаченные, растерзанные, нерѣдко пьяные, существа съ прищуренными глазами; полъ и возрастъ сидящихъ—не всегда сразу легко опредѣлить. Это угловые жильцы, случайные обитатели этой квартиры, среди которыхъ всегда кто-нибудь боленъ.

Всѣхъ жильцовъ—21 человекъ (въ томъ числѣ 4 дѣтей и квартирная хозяйка съ зятемъ и его женой). Число жильцовъ въ этой квартирѣ опредѣляется, однако, не объемомъ воздуха, а вмѣстимостью нарѣвъ („бываетъ и по 3 взрослыхъ на однихъ нарахъ“) и площадью пола, если только городская врачебно-санитарная комиссія не поставитъ границъ (жилецъ противъ тенденцій хозяйки—не протестуетъ) теткѣ Катеринѣ, неизмѣнно тяготящей къ рас-

рностранительнымъ толкованіямъ санитарныхъ правилъ. — Поэтому—и получаетъ эта хозяйка. (сама она платитъ 32 р. въ мѣс.) неодинаковый доходъ съ жильцовъ; общее же ея полсженіе таково: съ семейныхъ нарѣ (мужъ съ женой или мать съ дѣтми хотя-бы дѣтей было и 2-3)—4 р. въ мѣсяцъ, а съ одиночекъ взрослыхъ—2 р. 25 к.

Большинство жильцовъ тетки Катерины—по своей профессіи собиратели оберточной бумаги, тряпичники, торговцы сѣмячками или нищенки (одна жилица съ двумя дѣтми, недавно вышла изъ нищенскаго комитета); и только иногда гордо—въ этой обстановкѣ—прозвучитъ: „слесарь“, „портной“, „маляръ“ или „водопроводчикъ“ („нонѣ—безъ дѣловъ“).

Живутъ тутъ—невѣдомо, какъ и чѣмъ; завидуютъ 30-40-копѣечному заработку тряпичницы, но почти всегда кто-нибудь пьютъ. Отлучаются рѣдко (за неимѣніемъ работы), кромѣ развѣ „за кипяткомъ“, чтобъ согрѣться чайкомъ“. Богъ знаетъ, о чемъ ведутся тутъ рѣчи и какъ относятся эти люди другъ къ другу, когда они одни. Но даже въ присутствіи посторонняго посѣтителя.—появленіе коего въ этой средѣ внушаетъ подозрѣніе и на него опасно косятся изподлобья.—обитатели этой квартиры волками смотрятъ одинъ на другого, и скверно и озлобленно бранятся между собой. И если въ трезвомъ видѣ они скромно молчатъ или невразумительно лепечуть о своемъ настоящемъ, то въ пьяномъ—съ важностью и задоромъ говорятъ о бывшемъ, пока тетка Катерина (политикъ, держашійся правила: слѣди за ссорами и опирайся въ своихъ счетахъ съ жильцомъ—на нападающее большинство), великолѣпно освѣдомленная о прошломъ каждаго изъ своихъ жильцовъ,—не „осадить“ или не „выставить“ за неплатежъ „неблагодарную, зазнавшуюся рвань“ (въ моментъ такой расправы у хозяйки живутъ только „порядочные“, среди которыхъ „рвани нѣтъ мѣста“), „пригрѣтую изъ жалости“ теткой Катериной въ моментъ своей слабости и великодушія.

Въ такой обстановкѣ и средѣ живетъ съ матерью одинъ малолѣтній. Онъ—единственный мальчикъ-подростокъ среди остальныхъ взрослыхъ (трое другихъ дѣтей въ возрастѣ до 7 лѣтъ).

Затравленный всей квартирой, ненавидимый собственной матерью. (грозилась „упечь“ въ колонію; „подохнуть тебѣ мало“),—до крайности озлобленный и плачущій отъ обидъ и оскорбленій, потерявшій всякое терпѣніе,—мальчикъ (ему всего 12 лѣтъ) обозвалъ мать уличной женщиной (сказано—сильнѣе) и бросилъ ей въ лицо: „сама пьянствуешь и съ любовникомъ живешь, а меня—воровать посылаешь“... Сцена происходила въ присутствіи попечи-

теля, которому жаловался мальчикъ на мать и на свою жизнь. (См. попеч. кн. № 939).

Перехоля къ внутри-семейному быту петербургской семьи, поскольку онъ отражается на судьбѣ малолѣтняго,—необходимо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ общихъ замѣчаній.

Во всѣхъ перипетіяхъ столичной жизни и поведеніи деревенскаго мальчика—до совершенія имъ проступка—его семья, хотя бы въ силу фактическаго своего отсутствія,—не играетъ той важной роли, какая выпадаетъ въ этомъ отношеніи на долю петербургскихъ родителей по отношенію къ ихъ ребенку;—тутъ семья—едва ли не главный факторъ и спасенія, и гибели малолѣтняго, смотря по тому, что семья эта изъ себя представляетъ. Крѣпкая, цѣльная, морально и экономически стойкая семья при своевременной поддержкѣ дѣтскаго суда—можетъ сравнительно легко направить малолѣтняго на честную дорогу, такъ какъ тутъ и родители являются въ свою очередь опорой въ работѣ попечителя, направленной къ благу ихъ собственнаго ребенка. Но, какъ это ни грустно, матеріалы попечительскихъ книгъ констатируютъ не мало такихъ петербургскихъ семей, которыя или расшатаны или близки къ распаду, если не вовсе развалились. И такая семья не только не можетъ служить опорой въ выполненіи дѣтскимъ судомъ своей задачи, но сама нуждается во внѣшней опорѣ,—въ силу своей слабости. А зачастую и въ своемъ непониманіи пользы и интересовъ своего ребенка она стоитъ въ вопіющемъ противорѣчій съ работой попечителя и вредитъ ей.

— Матеріальная ли необезпеченность, непостоянство заработка, неудовлетворительная жилищная обстановка, вся совокупность неблагоприятныхъ условій городской жизни или, какъ послѣдствіе этого, случаи пьянства, худосочія, вырожденія и, наконецъ, общаго пониженія физическаго и нравственнаго состоянія,—какое-нибудь изъ этихъ золь—непремѣнно клиномъ врѣзается въ столичную семью и разъядаетъ ее. Въ результатѣ—или создается тяжелая, удушливая моральная атмосфера, насыщенная злобой, ненавистью и раздраженіемъ, такъ пагубно отзывающаяся на положеніи малолѣтняго въ родной семьѣ; или же, при наличности нѣсколькихъ изъ указанныхъ неблагоприятныхъ условій, въ семьѣ начинается процессъ распада и разложенія, неизбѣжно заканчивающійся полнымъ разваломъ ея и разрушеніемъ: разбѣжались дѣти, разбрелись въ разные стороны и родители,—люди съ вывѣтрившимися и окончательно опустошенными душами,—и семья, какъ живоносное, воспитательное начало,—погибла, исчезла безъ слѣда. Но пусть говорятъ сами за себя факты и примѣры.

— Отец пьяница. Неоднократно „записывался въ трезвость“, клялся на иконѣ, служилъ молебны,—не помогло: иногда выдерживалъ трехмѣсячный зарокъ, но тогда „на радостяхъ, что выдержалъ срокъ“, опять запивалъ; чаще запои начинался сразу послѣ молебна. Сидѣлъ въ тюрьмѣ. Теперь уѣхалъ въ деревню пропивать непроданные за долги остатки имущества. Мать съ дѣвочкой-школьницей живетъ нищенствомъ. Ночуетъ въ ночлежкѣ, когда выгоняють изъ угла („изъ чего платить?“). Въ раннемъ дѣтствѣ мальчика сильно истязали: клали голаго на полъ и до 70 разъ ударяли резиной. Картина до того была тяжелая, что иногда мать, „учившая“ такимъ образомъ сына, тутъ же сама падала въ обморокъ, не доведя „ученія“ до конца. Въ настоящее время, когда малолѣтній живетъ „самостоятельно“ (два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ), роли матери и сына нѣсколько измѣнились: уже не мать „учить“ сына, а послѣдній—„учить“ мать, но только онъ не прибѣгаетъ къ искусственнымъ приемамъ, а предпочитаетъ этимъ способамъ исконный кулакъ....

— Мать съ малолѣтнимъ ушла отъ отца („невозмогу“). Отецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ; пьяница („если ты,—говоритъ онъ ушедшей женѣ,—не возьмешь меня къ себѣ жить, продамъ въ деревнѣ на дѣлъ, пропью, а тебя убью“); сильно билъ мать (слегла въ больницу). Привязанность и любовь малолѣтняго къ нему отецъ утилизировалъ по своему: подбилъ его („ѣсть мнѣ нечего“) украсть вещи у матери и пропилъ. Мать этого мальчика, темная женщина, съ трудомъ добывающая на хлѣбъ, покупаетъ сыну „выпуски“: „пусть хорошему учится“. Мальчикъ, плача, говоритъ въ оправданіе своего нежеланія торговать: „матери не слушаюсь и плачу, что мнѣ неохота итти торговать: холодно, одежда плоха, а она, мать, посылаетъ. Я хотѣлъ бы въ портные“. Малолѣтній въ концѣ концовъ ушелъ отъ матери.

— Мать ушла отъ отца и живетъ съ другимъ уже 4 года. Отецъ (пьетъ) наборщикъ, каждый день на работѣ. Сынъ „за хозяйку править“ въ комнатѣ отца; каждый день въ чайной. Когда пришелъ его старшій братъ (гимназистъ, живущій отдѣльно) на квартиру къ отцу, малолѣтній укралъ у него форменную тужурку и продалъ.

— Мать бросила отца („не сошлась я характеромъ“) и въ компаніи съ оборотливымъ — темной репутаціи — французомъ открыла домъ терпимости (кстати, изъ этого вертепа судилась въ дѣтскомъ судѣ дѣвочка-подростокъ). Отецъ чернорабочій; временами работаетъ, временами пьетъ, а больше — сидитъ по чайнымъ. Мальчикъ

растетъ на улицѣ. Иногда онъ ходитъ „въ гости“, то къ матери, то къ отцу.

— Мальчикъ усыновленъ родителями. Отецъ пьяница. Сильно билъ мать, которая, какъ говорятъ сосѣди, „отъ побоевъ и повѣсилась“. Отецъ хочетъ жениться. Изъ двухъ дѣтей — дѣвочку отдалъ на воспитаніе въ деревню (5 р. въ мѣсяцъ), а мальчика хотѣлъ „сбыть въ колонію“. Предлогъ — взятія мальчикомъ у хозяйки квартиры пара старыхъ галошъ (потерпѣвшая неудачно пыталась это дѣло замаять изъ жалости къ малолѣтнему и скрыть кражу отъ его отца). Узнавъ о проступкѣ, отецъ разозлился на мальчика (школьника) и сильно избилъ его (приподнялъ его надъ собой и бросилъ объ полъ), до крови и обморока, послѣ чего мальчикъ пролежалъ полтора мѣсяца въ больницѣ.

— Отецъ страдаетъ запоемъ. Два раза уже въ бѣлой горячкѣ лежалъ въ больницѣ. Пропилъ все. Послѣдній разъ пилъ двѣ недѣли, и все требовалъ отъ матери водки, а когда та отказала, бросился на нее съ ножомъ. Жильцы связали; свезенъ въ больницу. Тамъ въ горячкѣ и умеръ. Мальчикъ ушелъ изъ дому и сталъ „путаться“. Бросилъ работу, проигралъ съ себя все. Мать звала домой — не пошелъ. Теперь она „съ радостью“ ждетъ того времени, когда онъ попадется въ кражѣ.

— Другая мать такъ характеризуетъ сидящаго въ тюрьмѣ отца и свое съ мальчикомъ положеніе: „Отецъ два года откаснулся, разоряетъ семью, бьетъ меня и сына... Лѣто путается, а зиму — домой идетъ на готовый хлѣбъ... не выгонишь ни за что... Въ деревнѣ была изба, надѣлъ на полторы души, усадьба и все хозяйство. Все продалъ и пропилъ, пьяница, такъ, что даже и иконы. Вотъ и бѣдствуемъ“. Теперь отецъ „отсиживаетъ за телушку“.

— Мать умерла отъ холеры. Отецъ, — старожилъ въ Петербургѣ, — закрѣпилъ въ деревнѣ землю, продалъ и пропилъ. Вернулся въ Петербургъ; живетъ по ночлежкамъ. Дочь, еще сама полу-ребенокъ (17 лѣтъ) получаетъ 50 коп. на фабрикѣ, живетъ въ углу съ сестренкой 7 лѣтъ и братишкой 2 лѣтъ. Трудно ей самой перебиваться, но она умоляетъ другого своего брата (клиентъ дѣтскаго суда) остепениться, бросить ночлежки, вернуться къ ней и заняться работой; но онъ не слушается, и идетъ по стопамъ отца.

— Отецъ высланъ за нищенство и порочное поведеніе въ г. Николаевъ. Тамъ отъ водки и умеръ. Мать прачка. Мальчикъ три года ушелъ изъ дому и живетъ по ночлежкамъ. Два раза судился („побивалъ въ участкѣ — и стало не страшно“). Двадцать разъ высылался („по 10-ой бланкѣ“). При задержаніи никогда не говорилъ, что у него въ Петербургѣ живетъ мать: „жалѣлъ ее“. Неиз-

мѣнно на каждую пасху приходилъ къ матери, если былъ на свободѣ: „Тянуло,—скучалъ по братишкѣ и сестренкѣ; да и матку жалко“.

Къ этой группѣ разрушенныхъ семей, атмосфера которыхъ растлѣвающе дѣйствуетъ на ребенка съ младенческихъ лѣтъ, нужно отнести и семьи внѣбрачныхъ и полусиротъ (одна мать, одинъ отецъ, мачеха, отчимъ).

По преимуществу въ этихъ семьяхъ малолѣтній—„тягота“: онъ „лишний ротъ“, который некуда „съ рукъ сбить“. Устроить на работу, поставить на мѣсто—трудно („питерскихъ не требуется“); да даже если и найдется иногда мѣсто, то не всегда удастся устроить: или залогъ нуженъ, или условія стѣснительны („на подметки не заработаетъ“), или малъ,—требуется лѣтъ 16—17, а то, какъ, напр., на „Р.-Ам. резин. мануфакт.“—и 22 лѣтъ,—съ отбытіемъ призыва. Отъ этихъ родителей чаще всего приходится слышать жалобы и сѣтованія на ограниченіе возраста при приѣмѣ учениковъ въ ученые или поступленіи на заводы:—„Куда его тогда поставишь, когда онъ уже хулиганомъ и посадскимъ станетъ“.—Выходъ для стремящихся „сбить съ рукъ“ одинъ:—„отдать въ исправительный“ (колонія).

Но если въ вышеприведенныхъ семьяхъ вступленіе малолѣтняго на опасный путь облегчается семейной и жилищной обстановкой, то и подростокъ морально-цѣльной и экономически независимой семьи, разумно, заботливо и внимательно относящейся къ дѣтямъ, не избавленъ отъ возможной порчи. Тутъ скажутся общегородскія условія, отсутствіе разумныхъ развлеченій, дурное товарищество и многочисленные искушенія. И, несмотря на совмѣстныя усилія обоихъ родителей крѣпкой семьи,—исправить отбившагося отъ рукъ сына,—задача эта для нихъ не всегда будетъ выполнимой, такъ какъ и самое начало процесса отпаденія малолѣтняго отъ семьи, выхода „изъ-подъ власти“, нерѣдко отъ вниманія родителей ускользаетъ, и имъ только приходится констатировать совершившійся фактъ ухода изъ дому сына.

Но все они: и оставляющіе въ рукахъ родителей свою одежду, чтобы почти голыми броситься въ биллиардную, куда ихъ зовутъ свистомъ и стукомъ товарищи; и доигрывающіе партію, заставляя своихъ матерей сидѣть у норсга чайной,—ждать, когда закончится игра; и выброшенные изъ школы или оставшіеся вовсе за ея бортомъ и потому устраивающіе на улицахъ кулачные бои; и объекты своеобразнаго „воспитанія“, сидящіе раздѣтыми (по мѣсяцамъ) взаперти, пока не будутъ „посланы на улицу погулять“, когда отцу захочется „весело“ провести время дома вмѣстѣ „съ гулящей дѣвкой“; и „веселые нищие“, которымъ „надоѣли пляски и пѣніе“ и матери

которыхъ—„порченныя, съ рюмки пьяны и хуже малаго ребенка“, а разбитые параличемъ отцы—бревнами по больницамъ и богадѣльнямъ лежать; и тѣ, родители которыхъ—вначалѣ „тѣшатъ гармонию и балалайкой“, а потомъ умоляютъ дѣтскій судъ „хоть на годъ закатать“ ихъ сына въ тюрьму; и остатки растрепленныхъ и распяленныхъ семей, спящіе въ лодкахъ, на мусорныхъ свалкахъ по „шалашкамъ“; въ бочкахъ съ соломой, на огородахъ, подъ мостами, по лавкамъ и у заборовъ садовъ, на островахъ, по баржамъ, въ рогожныхъ куляхъ по берегамъ Невы; по гостиницамъ въ центрѣ или по темнымъ угламъ и переулкамъ окраинъ, гдѣ и въ самой темнотѣ и ея тиши неслышно и глухо рождается и зрѣетъ преступленіе.—всѣ эти дѣти родились для материнской ласки и любви и внимательной заботливости отцовъ; для свѣтлаго, безоблачнаго дѣтства, съ его дѣтскими садами, школами, играми и забавами; для счастливой, радостной, солнечной юности съ ея порывами, влекущими молодое, трепетное сердце—къ добру, правдѣ и честной жизни.—Но Петербургъ обманулъ эту неокрѣпшую волю: не нашли они поддержки въ родной семьѣ, не встрѣтили вниманія со стороны чужихъ; вмѣсто свѣтлой широкой дороги, жизнь повела ихъ темными переулками, вплоть до суда. И стоитъ—выразительное четырехзначное число. А изъ-за этихъ мертвыхъ цифръ отчета—глядятъ живыя лица: сотни замученныхъ, плачущихъ матерей; сотни окаменѣло-сосредоточенныхъ или оголтѣло и пьяно „веселыхъ“ отцовъ; и тысячи дѣтей столицы.

Потребованныя къ отвѣту, въ залъ дѣтскаго суда, тысячи петербургскихъ дѣтей несутъ сознаніе своей вины и, въ свое оправданіе, добавляютъ устами „обреченныхъ“: „Хотѣлъ бы исправиться, но не надѣюсь, чтобы изъ меня вышелъ честный человѣкъ... трудно отвыкать и отъ воровства, и отъ товарищей, и отъ такой жизни“...—Это исповѣдь отчаявшейся, еще не начатой, но уже „конченной“ молодой жизни столичнаго подростка.

Для восполненія, хотя бы отчасти—и одной только скатости,—этого краткаго бытового очерка, въ которомъ такъ много пробѣловъ, промаховъ и недочетовъ, такъ какъ писался онъ—по недостатку времени—слишкомъ торопливо и, естественно, недостаточно продуманно,—ниже приведены характеристики отдѣльныхъ малолѣтнихъ.

Характеристики.

Малолѣтній В. (по попечительской книгѣ № 196)

Малолѣтній В., 16 лѣтъ, уроженецъ и постоянный житель Петербурга. Отець его (55 лѣтъ), неимѣющій въ деревнѣ никакого имущества, служилъ на военной службѣ, а затѣмъ былъ кучеромъ у одного князя, гдѣ помятъ сильно лошадьми (проломлена голова), за что получаетъ небольшую пенсію въ 12 руб. 50 коп. По роду своихъ занятій въ настоящее время — онъ чернорабочій (70-80 коп. въ день), поденщикъ на случайныхъ работахъ.

Мать малолѣтняго умерла 4 года тому назадъ, и семья начала медленно, но неуклонно разрушаться, завершившись полнымъ разваломъ; изъ пяти человѣкъ дѣтей въ настоящее время при отцѣ никого нѣтъ. Старикъ живетъ одинъ, въ углу.

Сначала ушелъ 22-лѣтній сынъ и уже нѣсколько лѣтъ неизвѣстно гдѣ „путається“; за это время нѣсколько разъ судился и высылался. Другой сынъ, 10 л., за кражу сапогъ — приговоренъ въ колонію. А потомъ отъ отца ушла и дочь, 18 лѣтъ, — и теперь живетъ отдѣльно, не поладивъ съ семьей. При отцѣ оставались еще два сына: В. и П. — 12 лѣтъ. Но В., какъ и первый сынъ отца, постепенно „сбился съ пути“, ушелъ изъ дому и потянулъ за собою на ту же дорогу и послѣдняго своего брата, П., остававшагося еще дома при отцѣ.

В. учился три года въ начальномъ городскомъ училищѣ, откуда, по желанію родителей, выбылъ до окончанія полного курса. Отданъ былъ къ сапожнику въ ученье на 5 лѣтъ, но, проживъ тамъ всего два дня, ушелъ („смашилъ товарищъ“). Годъ жилъ послѣ этого безъ занятій. Поступилъ въ типографію, проработалъ полгода (4 и 5 руб. въ мѣс.), прогулялъ нѣсколько дней („тотъ же товарищъ подбилъ не идти на работу“) и лѣтомъ 1908 г. былъ уволенъ. Съ тѣхъ поръ нигдѣ не служилъ и постоянныхъ занятій не имѣлъ, изрѣдка работая поденно на Балтійскомъ и Варшавскомъ вокзалахъ по разгрузкѣ вагоновъ.

Замѣтно портиться началъ малолѣтній сразу послѣ смерти матери: научился курить, водку пить („старшій братъ научил“), утаивалъ изъ своего заработка деньги, воровалъ табакъ у отца; началъ посѣщать одинъ извозчикій трактиръ, гдѣ завязались знакомства съ дурными товарищами. Тамъ съ ними встрѣчался и сговаривался идти воровать („идти шляться“). Сначала воровалъ дрова на Обводномъ каналѣ, затѣмъ попался въ кражѣ вишенъ и приговоренъ къ полутора мѣсяцамъ тюремнаго заключенія (дѣтскаго суда еще не было).

По выходѣ изъ тюрьмы В. при отцѣ вовсе не сталъ жить, а жилъ у дѣдушки за Московской заставой не занимаясь дѣломъ, и въ то же время дѣятельно поддерживая связи съ прежними товарищами. Спустя нѣкоторое время, онъ и отъ дѣдушки ушелъ, къ товарищамъ. Вторично задержанъ уже за карманную кражу (стало въ послѣдствіи „спеціальностью“), судился въ камерѣ М. С. по дѣламъ о малолѣтнихъ и былъ отданъ подъ присмотръ попечителя. Держался на судѣ откровенно, но искренности, безпокойства или сожалѣнія по поводу совершеннаго проступка и своего поведенія не проявлялъ.

Отецъ, сильно удрученный, больной и съ горя постепенно ставшій запивать, согласился, однако, взять сына къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы сынъ уже жилъ дома и велъ себя хорошо,— намѣрень былъ найти ему мѣсто.

Малолѣтній на всѣ условія согласился. Но какъ только очутился дома, тотчасъ же ушелъ къ товарищамъ, въ чайную на Обводномъ каналѣ, несмотря на то, что отецъ дѣйствительно нашелъ ему въ Царскомъ Селѣ работу. Отъ мѣста малолѣтній рѣзко и настойчиво отказался.

Черезъ нѣкоторое время В. попался въ грабежѣ и содержался въ части, числясь за судебнымъ слѣдователемъ. Къ отцу малолѣтняго явились товарищи послѣдняго и потребовали: „Что-жь ты не идешь В. братъ на поруки?—Иди, выручай“. И отецъ побоялся вытолкать ихъ вонъ: „расправятся ножами“.

За недостаточностью уликъ, судебн. слѣд. отпустилъ малолѣтняго къ отцу, но В. опять ушелъ къ товарищамъ; только на этотъ разъ уже не одинъ, а сманивъ съ собой и младшаго брата, П.—Больше отецъ ихъ у себя не видѣлъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда В. являлся къ нему съ требованіемъ денегъ: „Отецъ, дай 20 коп.“

Пытался старикъ вернуть хоть младшаго сына домой, вооружился палкой и пошелъ въ чайную („тамъ ихъ цѣлая шайка“—говорить онъ); розыскавъ младшаго сына, звалъ его домой; но В., тамъ же находившійся, сказалъ П.: „Не ходи“;—и тотъ послушался брата, а не отца.

Послѣ этого случая отецъ совсѣмъ потерялъ голову: забросилъ работу, больше сталъ пить и никакъ не можетъ примириться и успокоиться: „Пропали вѣдь 4 сына“.

Временами, то озлобленный, то плачущій и пьяный (такимъ попечитель встрѣчалъ его у Обводнаго кан.), съ палкою въ рукахъ, онъ издали выслѣживаетъ сыновей и наблюдаетъ, какъ они съ шайкой бродятъ по Обводному каналу или перекочевываютъ изъ одной чайной въ другую; но подходить къ нимъ близко боится:

„расправятся ножами“.— И только жалуется то постовому городовому, то своимъ знакомымъ, то случайно встрѣченному попечителю.

Въ октябрѣ 1910 года малолѣтній задержанъ и приговоренъ Мировымъ Судьей по дѣламъ о малолѣтнихъ къ 4 мѣс. тюрьмы съ зачетомъ мѣсячнаго предвар. заключ.; конечно колонія была бы для него лучшимъ средствомъ, но, къ сожалѣнію, ему уже 16 лѣтъ, а колонія принимаетъ лишь до 14 л.

Малолѣтній Н. (по попечительской книгѣ № 864.), по прозвищу — „Эропланъ“, 15 лѣтъ, виѣбрачный сынъ Ораніенбаумской мѣщанки; родился и выросъ въ Петербургѣ. Отца не знаетъ. Имѣетъ единственнаго брата, 6 лѣтъ, который живетъ у дяди его, въ Ораніенбаумѣ.

Мать, по профессіи чулочница, работала на одинъ пріютъ, но машина попала въ закладъ, выкупить нечѣмъ, и мать стала просить милостыню.

Не разъ была она въ Нищенскомъ Комитетѣ, но, выходя оттуда, бралась опять за нищенство, такъ какъ машины выкупить не на что, да и мѣста заказовъ утеряны.

Образъ жизни мать вела кочевой, ютясь то по угламъ, откуда гнали за неплатежъ, то по ночлежкамъ.

Съ ней иногда жилъ сожитель цвѣточникъ, который какъ съ ней, такъ и съ малолѣтнимъ, обращался крайне грубо и вынуждалъ обоихъ нищенствовать, а если, напримѣръ, малолѣтній не хотѣлъ просить милостыню, то гналъ его вонъ изъ дому. Какъ мать, такъ и ея сожитель сильно пьютъ.

Малолѣтній награмотенъ. Съ 10-лѣтняго возраста сталъ портиться вслѣдствіе неблагопріятной обстановки и окружающей среды. Первымъ его занятіемъ было нищенство, за что онъ и попалъ въ Нищенскій Комитетъ; пробылъ тамъ два года и обучался корзиночному ремеслу.

Выйдя оттуда, малолѣтній сталъ было торговать мелочью въ разность (деньги приносилъ матери), но случилось такъ, что мать въ это время заболѣла, а товарищъ, Васька — „Кацапъ“, такъ соблазнительно расписалъ „свою волю“, чайныя, ночлежки, кражу дровъ, и жизнь на городской свалкѣ, что Н. окончательно бросилъ торговлю и ушелъ изъ дому.

Болѣе двухъ лѣтъ „Эропланъ“ такъ „путается“, только изрѣдка навѣщая мать, если удастся ее розыскать (одна чайная служить справочнымъ бюро).

О своей жизни малолѣтній охотно, подробно и съ увлеченіемъ говорить, захлебываясь отъ удовольствія, и говорить — правдиво, насколько удалось его провѣрить.

Въ обществѣ своихъ многочисленныхъ товарищей, — въ числѣ которыхъ есть судившіеся, бѣжавшіе изъ колоніи, сидѣвшіе въ тюрьмѣ или состоящіе кліентами суда для малолѣтнихъ, — знакомства съ которыми „Эропланомъ“ сведены въ чайныхъ, гдѣ, по собственному выраженію малолѣтняго, „много такихъ мальчишекъ“ и „куда порядочные не ходятъ“. — „Эропланъ“ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ: днемъ проситъ милостыню, воруетъ дрова, таскаетъ уголь на Обводномъ каналѣ; дрова и уголь продаются скупщикамъ или квартирнымъ хозяйкамъ. Воруетъ не одинъ, а съ другими.

Вырученныя деньги дѣлятся поровну между участниками („копѣекъ по 50 — 60 въ день на брата достается“), — тратятся ими на ѣду, табакъ, вино, билліардъ, карты, кинематографъ. Что касается одежды, то она меньше всего заботитъ: было бы чѣмъ сверху прикрыться. Ночлежка же, все-таки требующая денегъ, и вовсе становится излишней (даже и зимой), такъ какъ городская мусорная свалка — и безплатный, и теплый кровъ. „Найти это поле не трудно: находится оно у лавры и стекляннаго завода, идти черезъ Атамановскій мостъ, „по шпалой дорогѣ“, на огородѣ“, поясняетъ Н.

Эропланъ, этотъ истинный поэтъ свалки, такъ говоритъ о своеобразной жизни на огородѣ Карпова: „Это навозная и мусорная свалка. — Тамъ, въ навозѣ, „Матай“, „Кафея“ и „Обезьяна“ (прозвища товарищей) построили себѣ шалашки; вырыли яму (приблизительно въ $\frac{1}{2}$ куб. саж. Попеч. С.), набрали въ мусорѣ обоевъ, облѣпили ими стѣны; на полъ положили доски, стѣны — тоже изъ досокъ; сверху палочками прикрыли: въ мусорѣ собираемъ... Словомъ, все, какъ слѣдуетъ... Оставимъ отверстіе... Тамъ тепло, паръ такъ и валитъ столбомъ...“

„Всѣхъ тамъ шалашекъ 13; есть большіе, гдѣ спятъ по 4 — 5 взрослыхъ мужиковъ.“

„Утромъ, когда уходимъ, всѣ закрываютъ отверстія шалашекъ рогожами и посыпаютъ навозомъ... Ни къ чему не подкопаешься, что спятъ“, — восторгается малолѣтній. — „Закрываютъ, чтобы сторожъ городской свалки не увидѣлъ, — да и жандармы забираютъ, когда увидятъ.“

„Встаютъ на свалкѣ рано, часовъ въ пять, и уходятъ по своимъ дѣламъ. Другіе вовсе не уходятъ и остаются тамъ цѣлый день; посылаютъ за водкой и тамъ пьютъ. Вечеромъ опять сходятся въ шалашки.“

„Иногда придешь, а твоя шалашка занята.— Это нельзя. Когда кто займет не свою, то „Храпъ“,— есть тамъ такой мужикъ — крючникъ,— его всѣ тряпичники знаютъ,— если пожаловаться,— чужого выгоняетъ или вытаскиваетъ за ноги.— И слушаются: онъ вродѣ какъ бы хозяинъ... старшой.

„А разъ пріѣхалъ и самъ хозяинъ поля. Пріѣхалъ ночью, позвалъ Храпа: „сходи на квартиру, возьми лампу и покажи, гдѣ спать“.— Храпъ принесъ. Хозяинъ открылъ рогожки: „О, тутъ маленькіе хлопцы спать!— Ну, спите, спите“.

Днемъ „Эропланъ“ проводилъ время большей частью въ одной чайной, подъ названіемъ „Орѣшки“ (на Обводномъ кан.). Оттуда ходили по уголь и дрова, туда же и возвращались съ вырученными деньгами. Играли въ карты и на биллиардѣ. Иногда же „Обезьяна“, „Кафея“ и „Михрюта“ забирались на чердакъ сосѣдняго дома и тамъ „по копѣчкѣ“ играли въ круговую... игра такая въ карты“. Малолѣтній „Эропланъ“ тоже играетъ въ карты и на биллиардѣ.

Продолжительная жизнь въ такой обстановкѣ не могла не отразиться на малолѣтнемъ Н. По натурѣ и природнымъ задаткамъ— это добрый и положительный мальчикъ, незлобивый, наивно-простодушный и простой. Развитія, въ собственномъ смыслѣ, у него, конечно, нѣтъ, но хитрость, изворотливость, развязность постоянно проглядываютъ: временами онъ искрененъ и откровененъ, но иногда спохватывается, увлеченіе и оживленіе пропадаютъ и „Эропланъ“ становится недоувѣрчивымъ; крайне неустойчивъ и совершенно не имѣетъ силы воли противостоятъ соблазнамъ той жизни, о которой рассказывать—малолѣтнему доставляетъ такое удовольствіе.

Рассказываетъ онъ и о жизни своихъ товарищей: кто, когда, гдѣ и за что судился или сидѣлъ въ тюрьмѣ, кто въ колоніи былъ, а также кто „по какой части“ и гдѣ сейчасъ находится; освѣдомленность полная.

Рассказы о своихъ похожденияхъ, судимости, судѣ для малолѣтнихъ („раньше было лучше: не спрашивали и скоро дѣла кончали“) и попечителяхъ обычная тема „Орѣшекъ“ и „шалашекъ“. Нѣкоторые изъ его товарищей дѣлали попытки совмѣщать такую жизнь съ требованіями и условіями присмотра,—„приспособляться“. Одинъ, на примѣръ, малолѣтній Матій, живущій у родителей, но навѣщающій и свалку, собрался было идти къ попечителю: „Надо идти къ попечителю, а то отъ матки попадетъ... велѣла обязательно идти,— приглашала“. Но другой обитатель шалашекъ, Кафея, сынъ состоятельныхъ, но нерадивыхъ родителей, тоже находящійся подъ присмотромъ, вразумилъ нерасчетливаго: „Нечего ходить къ попечителю,

проходишь зря, а я тутъ, пока ты ходишь, достану гривенъ на 6 и пойду въ кинематографъ“. И Матяй, вмѣсто того, чтобы идти къ попечителю, составилъ Кафеѣ компанію въ кинематографъ; конечно, попечитель скоро узналъ истинную причину неявки Матяя и Кафеи и имъ пришлось нести послѣдствія своего легкомыслія. Отецъ Кафеи—любопытный отецъ: по словамъ Эроплана, онъ часто ходилъ искать сына то на свалкѣ, то въ Орѣшки, но мальчишки, завсегда на этой чайной, подшучивали надъ нимъ, не говорили гдѣ сынъ, пока отецъ не давалъ имъ коп. 50 за указаніе, гдѣ найти его. Одинъ же разъ онъ съ сыномъ зашелъ въ Орѣшки и тутъ напились водки вдвоемъ. Вдвоемъ же угощали и мальчиковъ: „пейте, пейте, ребята“. А затѣмъ и Кафея, и отецъ его зашли въ билліардную и „срѣзались на билліардѣ“. „Кафея тоже здорово жретъ водку“,—удивляется Эропланъ.

Малолѣтній Эропланъ привлеченъ за кражу угля въ іюнѣ 1910 года и отданъ подъ присмотръ попечителю. Послѣдній съ малолѣтнимъ ходилъ разыскивать мать, но безрезультатно. Малолѣтній былъ оставленъ въ общежитіи и черезъ нѣкоторое время поступилъ къ цвѣточнику, который оцѣнилъ въ мальчикѣ способность къ торговлѣ („разбитной“). Но на этомъ мѣстѣ малолѣтній не долго удержался: черезъ недѣлю скрылся отъ цвѣточника, захвативъ съ собою два горшка цвѣтовъ. „Когда я ушелъ“,—разсказывалъ впоследствии малолѣтній, — „отъ цвѣточника, то цвѣты продалъ за двадцать пять коп.; пошелъ въ Орѣшки, встрѣтилъ тамъ Кафею, Матяя, Бѣса и Михрюту, взялъ обрѣзковъ въ булочной, попили чаю и стали воровать“. Малолѣтній былъ задержанъ вторично за кражу дровъ и послѣ разбора дѣла былъ помѣщенъ въ приютъ, гдѣ велъ себя хорошо. По истеченіи мѣсяца онъ былъ освобожденъ и вновь помѣщенъ въ общежитіе попечительства до пріисканія мѣста. Нѣкоторое время его изъ общежитія не отпускали, но такъ какъ онъ плакалъ и просилъ, чтобы его отпустили сходить къ матери, которую, какъ онъ слышалъ, зарѣзалъ ея сожитель цвѣточникъ, онъ былъ отпущенъ и въ назначенное время возвратился, какъ обѣщалъ. Это давало увѣренность, что малолѣтній окончательно рѣшилъ бросить прежнюю жизнь и заняться дѣломъ. Поэтому онъ былъ отпущенъ искать мѣсто. Но обратно не вернулся и, какъ слышно, опять таскаетъ по Обводному кан. дрова и доски, а живетъ, надо думать, на облюбованной имъ свалкѣ, пока не будетъ опять разысканъ полиціей и доставленъ въ камеру.

Малолѣтній Д., по попечительской книгѣ, № 168.

Малолѣтній Д. — юноша переходнаго, „опаснаго“ возраста (немногомъ меньше 17 лѣтъ), родился въ провинціи, въ Вологодской губ. За время 6-ти-лѣтняго безвыѣзднаго проживанія въ Петербургѣ, онъ въ достаточной мѣрѣ вкусилъ отъ уличной „культуры“ столицы и вошелъ во вкусъ этой жизни.

Въ провинціи отецъ и мать съ 5-ю дѣтьми, въ возрастѣ отъ 6 до 18 лѣтъ, ведутъ въ деревнѣ на двухъ-душевомъ надѣлѣ крестьянское хозяйство, бѣдствуя и перебиваясь кое-какъ. Матеріальные недостатки родителей приводятъ имъ на память племянника, который служитъ въ Спб. городовымъ въ казенномъ порту, получая 25 руб. жалованья въ мѣсяцъ и временами помогать имъ деньгами. Какъ только малолѣтній Д. по болѣзни выбылъ изъ церковно-приходской школы, гдѣ проучился три зимы, но курса не кончилъ, родители посылаютъ его, старшаго своего сына, въ Спб.: „Авось не пропадетъ, выбьется въ люди и насъ поддержитъ, да и родственникъ поможетъ устроиться“.

По пріѣздѣ въ Спб. Д. поступаетъ на бумагопрядильную фабрику по тридцать пять коп. въ день; но, проработавъ 4 мѣсяца, бросаетъ мѣсто. Около двухъ недѣль живетъ безъ занятій, поддерживаемый двоюроднымъ братомъ — городовымъ. Неутраченное еще стремленіе держаться „на поверхности жизни“ заставляетъ потомъ малолѣтняго поступить помощникомъ механика въ кинематографъ, на 20 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Живетъ онъ на этомъ мѣстѣ около двухъ лѣтъ. Но кинематографъ переходитъ къ другому хозяину, къ которому и малолѣтній поступаетъ, но уже механикомъ кинематографа, и на 30 руб. въ мѣсяцъ. Работаетъ тамъ зиму 1908—9 гг. Лѣтомъ въ 1909 году кинематографъ закрыли. Д. остался безъ занятій; изрѣдка работалъ поденно на случайныхъ работахъ по установкѣ и проведенію электричества.

„Веселая“ жизнь въ кинематографѣ и порядочный, для возраста и положенія малолѣтняго, заработокъ въ 20—30 руб. въ мѣсяцъ, дававшій малолѣтнему возможность жить „широко“, сдѣлали свое дѣло: охотно и часто писавшій родителямъ письма, Д. постепенно умолкаетъ, быть можетъ, чтобы не слышать просьбъ отца о высылкѣ денегъ, на которыя (просьбы) малолѣтній и безъ того, впрочемъ, откликался слабо (за 6 лѣтъ жизни въ Спб. денегъ всего послано родителямъ 12 р.). Въ періодъ „широкой“ жизни, малолѣтній живетъ въ обществѣ старшихъ себя товарищей, всѣ въ возрастѣ 18—20 лѣтъ, съ уголовнымъ прошлымъ (судились и отбывали тюремное заключеніе, одинъ былъ въ колоніи), въ одной съ ними квартирѣ и, естественно, культивируетъ въ себѣ всѣ тѣ же замашки и привычки,

которыя имѣлись у товарищей: куреніе, водка, посѣщеніе чайныхъ, трактировъ, садовъ; игра въ карты и на билліардѣ; временами посѣщались притоны.

Мѣсто утеряно, да и работать нѣтъ особеннаго желанія, а привычки настойчиво напоминаютъ о себѣ и требуютъ удовлетворенія. Пошли кражи. Осенью того же 1909 г. съ товарищемъ судился за кражу шапки въ трактирѣ: товарищ посаженъ на три мѣсяца въ тюрьму, а Д. на этотъ разъ „оправдался“, но мѣсяца черезъ два онъ укралъ часы и уже самъ приговоренъ на 1½ мѣс. въ тюрьму. Съ временемъ отбыванія тюремнаго заключенія совпали и послѣдствія посѣщенія притоновъ: Д. заболѣлъ сифилисомъ („заразился отъ дѣвицъ“). Лечился въ тюрьмѣ.—По выходѣ изъ тюрьмы въ ноябрѣ 1909 г., снова принялся за кражи и по двумъ дѣламъ (магазинная и кража шапки въ трактирѣ) въ мартѣ 1910 г. Мир. Суд. по д. о мал. приговоренъ на 5 мѣс. въ Царскосельскую тюрьму (отдѣленіе для мал.).

Бывшій хозяинъ малолѣтняго, содержатель кинематографа, говорилъ попечителю, что во время службы у него Д. держался и велъ себя хорошо. Когда же заходилъ въ послѣдствіи, находясь безъ занятій и отбывъ тюремное заключеніе, то выглядѣлъ уже совершенно иначе: на всѣ вопросы хозяина, какъ онъ живетъ и что дѣлаетъ и за что „сидѣлъ“ (стороной хозяинъ слышалъ, что малолѣтній уже порядочно испорченъ, не занимается дѣломъ, избаловался, водится съ худыми товарищами и за кражу попалъ въ тюрьму) Д.—отвѣчалъ уклончиво или же вралъ: „Не сидѣлъ, а въ больницѣ лежалъ“.

Двоюродный братъ малолѣтняго, городской, неоднократно писавшій родителямъ о поведеніи и заключеніи въ тюрьму ихъ сына, даже обѣщавшій денежную помощь на отправку малолѣтняго въ деревню, не разъ помогаль послѣднему въ періодъ его безработицы, но видя, что Д. работать не хочетъ, ѣхать въ деревню тоже отказывается, живетъ съ полъ года неизвѣстно чѣмъ и гдѣ и по поводу такой жизни не проявляетъ никакого безпокойства,—сталъ отказывать въ денежной помощи, усматривая въ просьбахъ Д. простое вымогательство. Эти отзывы только подтверждали то впечатлѣніе, которое производилъ малолѣтній при разборѣ его дѣла въ камерѣ Мир. Суд. по дѣлу о малолѣтнихъ.

Виннымъ себя Д. призналъ, но сожалѣнія и раскаянія не было. О время препровожденія же до совершенія своего проступка или говорилъ осторожно, или просто умалчивалъ.

Привлекался къ отвѣтственности уже не деревенскій мальчикъ, а столичный хулиганъ, бойкій и развязный, въ манерѣ котораго

держатъ себя проглядывали грубость, бахвальство съ отгѣнкомъ наглости, пронія или же лесть, смотря по обстоятельствамъ, напускная откровенность или замаскированная ложь. Отъ искренности же и правдивости не осталось и слѣда.

Малолѣтній А. (по попечительской книгѣ № 164).

А., по увѣренію собственной его матери, „обреченный“, — не исправимый. Онъ сынъ петербургскихъ родителей. Деревни не видѣлъ и не знаетъ за все 16 лѣтъ, которыя прожилъ въ С.-Петербургѣ.

Въ живыхъ отецъ и мать. Это столичная рабочая семья, живетъ за городомъ на новыхъ планахъ, снимая въ подвальномъ помѣщеніи квартирку, сырую и грязную, за четыре съ половиной р. въ мѣсяцъ. Квартирка состоитъ изъ одной комнаты, сдаваемой родителями малолѣтняго семейному жильцу (семь чел.), и кухни, гдѣ живутъ сами родители съ тремя сыновьями, въ томъ числѣ и малолѣтній А.

Трое другихъ дѣтей при родителяхъ не живутъ: дочь замужемъ, а изъ двухъ взрослыхъ сыновей одинъ — въ солдатахъ, а другой — въ тюрьмѣ сидитъ уже три года (приговоренъ на 4).

Отецъ работаетъ чернорабочимъ на масленномъ заводѣ, получая 80 коп. въ день; прогуловъ не дѣлаетъ, въ работѣ исправенъ, но семьѣ немного остается отъ отцовскаго заработка, такъ какъ онъ регулярно, каждый день, „пьетъ по сороковкѣ, а намъ, что останется“, — говоритъ мать. Взрослый сынъ безработный; другой ходитъ въ школу. Мать же на сторонѣ нигдѣ не имѣетъ занятій и вся поглощена квартирой, заботами о семьѣ и о томъ, какъ промыслить обѣдъ, а главное, какъ уберечь, спасти, исправить „неисправимаго“ или же разыскать его въ участкахъ, если онъ „попавши“, и въ чайныхъ, если малолѣтній давно уже домой не показывался.

Лѣтъ 6 назадъ А. былъ хорошимъ мальчикомъ, учился въ школѣ двѣ зимы и если не кончилъ курса и оставилъ ученье, то изъ желанія поступить скорѣе на мѣсто и помогать семьѣ. Съ перваго мѣста на мыловаренномъ заводѣ, гдѣ онъ получалъ 40—50 коп. въ день малолѣтній еженедѣльно приносилъ матери по 1 р. 60 к.

Но прошелъ годъ работы, А. проворовался тамъ и былъ уволенъ. Два лѣта малолѣтній выбиралъ на желѣзной дорогѣ коксѣ (5-6 руб. въ мѣсяцъ), живя зимами безъ занятій; въ это время А. уже не приносилъ денегъ домой. Въ 1908 г. на коксѣ убавили плату, и малолѣтній туда не пошелъ. Жилъ два мѣсяца безъ занятій. Мать при содѣйствіи зятя устроила А. въ Кронштадтѣ торговать

на лоткѣ: 6 руб. въ мѣсяцъ и содержаніе и уголь хозяйскій, но сынъ не прожилъ тамъ и мѣсяца („много бѣгать“), бросилъ мѣсто, вернулся самовольно домой, привезя, однако, матери одинъ рубль денегъ. Остальныя истратилъ на дорогу и на себя. Послѣ этого занятій не имѣлъ, да и дома жилъ только мѣсяцъ, а потомъ совершенно ушелъ отъ родителей.

Около года А. скитался по чайнымъ, ночлежкамъ и участкамъ; 4 раза судился за это время (за 2 кражи—надзоръ матери и трехмѣсячное тюремное заключеніе, за драки и битве стеколь—аресты).

Много горя безпокойствъ и хлопотъ причинилъ малолѣтній своей матери. Если его долго не было (онъ изрѣдка заходилъ по-видаться съ нею), она тосковала и шла разыскивать его по чайнымъ, ночлежкамъ и участкамъ. Нашла разъ въ чайной съ товарищами, стала у порога, позвала домой, и онъ уже было пошелъ, но товарищи бросились къ матери, прикрикнули на А., и послѣдній долженъ былъ вернуться, оставивъ плачущую мать на улицѣ. Съ тѣхъ поръ мать бонется заходить, если даже и видитъ сына гдѣ-нибудь въ чайной съ пріятелями. Большею же частью брала малолѣтняго изъ участковъ (куда онъ то-и-дѣло попадалъ), если только отдавали матери на поруки.

Съ радостью мать приводила его домой, если даже А. былъ пьянъ („только и вижу его въ это время“), принималась мыть, чистить его одежду отъ вшей, штопать и чинить ее; кормила его на радостяхъ ситнымъ. Плакала, умоляла и укоряла сына за его поведеніе и за отлучки изъ дому. Часто при этомъ плакалъ и самъ А.,— нравственно чуткій, но безвольный мальчикъ,—искренно давалъ матери обѣщанія и клятвы (самъ въ то же время плохо вѣря въ ихъ исполнимость) бросить эту „непутевую“ жизнь, но... порывъ признательности за материнскую теплоту и ласку проходилъ; малолѣтній черезъ день, два начиналъ терять остатки воли, становился молчаливымъ и замкнутымъ. Мать, предвидя уходъ, настораживалась старалась не спускать съ него глазъ, но, не имѣвшій силъ открыто уйти отъ матери, А. въ ея отсутствіи улучалъ моментъ и все-таки уходилъ изъ дому, чтобы начать ту же, какъ магнитомъ притягивающую, жизнь: чайныя, ночлежки, карты, билліардъ, вино, скандалы или кражи, участокъ и, наконецъ, новыя поруки матери.

Не выдержала, однако, и она: въ послѣднемъ дѣлѣ (кража пальто изъ квартиры), по которому малолѣтній судился у Мир. Суд. по дѣл. о мал. и приговоренъ къ 5 мѣс. тюр. закл.,—мать отказалась, послѣ составленія протокола по этому дѣлу, взять сына изъ участка на поруки: „неисправимъ, особенно избаловался, испортился послѣ тюрьмы“.

Объ отцѣ говорить не приходится, такъ какъ судьба малолѣтняго его мало интересовала: онъ не зналъ, да и не желалъ знать судился-ли А., за что, гдѣ, когда и сколько разъ.

Властный, крутой и деспотическій нравъ главы этой семьи никогда не терпѣлъ ни отъ матери, ни отъ дѣтей никакихъ возраженій и объясненій по поводу ихъ поступковъ. Всякая ихъ попытка въ этомъ направленіи грубо и рѣзко обрывалась.

Не пользуясь нравственнымъ вліяніемъ въ семьѣ, отецъ строилъ свои отношенія къ ней на страхѣ, оскорбленіяхъ, униженіи и побояхъ, проявляя въ то же время полное невниманіе къ устройству своихъ дѣтей на мѣста и предоставляя ихъ самимъ себѣ. Таково было отношеніе и къ А. Естественно поэтому, что мальчикъ выросъ въ удушливой атмосферѣ, съ одной стороны, отцовскихъ побоевъ, съ другой—материнскаго потворства и слѣпой любви, готовыхъ покрывать изъ чувства страха передъ грубой расправой отца даже дурныя привычки и наклонности сына.

Неизгладимое впечатлѣніе оставили и эта забитая, загнанная и запуганная мать, тайкомъ отъ отца бравшая изъ участка пьянаго сынишку и прятавшая его дома въ шкафу отъ глазъ отца, чтобы не быть и самой побитой, и этотъ блѣдный и болѣзненный на видъ мальчикъ.

Онъ, въ 16 лѣтъ, „непомнящій, сколько разъ бывалъ пьянъ“ и сознающій „собственную вину, что пошелъ по этой дорогѣ“, съ теплымъ чувствомъ говорить о матери (отца ненавидить), о времени ученія въ школѣ и о томъ, что и у него „не всѣ худые товарищи“, а есть „и порядочные“;—это тѣ школьные его товарищи, съ которыми онъ посѣщалъ когда то домъ графини Паниной и читалъ тамъ „Капитанскую дочку“, „Всадника безъ головы“, „Емелю Пугачева“, Майнъ-Рида и сказки...

А теперь полной утратой вѣры въ себя и безнадежностью звучить его признаніе: „Не надѣюсь, чтобы изъ меня вышелъ честный человѣкъ... трудно отвыкать и отъ воровства, и отъ товарищей, и отъ такой жизни“.

Малолѣтній В. 12 лѣтъ. (По поначитальной книгѣ № 625). Родился въ Петербургѣ; съ 4 до 6 лѣтъ жилъ въ деревнѣ у дѣдушки съ бабушкой, которые занимались хлѣбопашествомъ. Они теперь умерли. Отецъ умеръ, когда В. было 2 мѣсяца, а мать полтора года назадъ. Малолѣтній имѣетъ двухъ сестеръ: старшая 17 лѣтъ служитъ кассиршей въ магазинѣ, младшая 14 лѣтъ ученицей въ мастерской. Обѣ мало интересуются жизнью брата. Съ 8 лѣтъ

В. началъ учиться въ школѣ и черезъ три года окончилъ курсъ. Былъ отданъ въ ремесленную квартиру Синяго Креста, гдѣ за 5 р. получалъ столъ и квартиру. Отсюда ходилъ работать въ переплетную мастерскую Шапиръ, но былъ уволенъ за неисправное посѣщеніе занятій. Около недѣли работалъ въ фотографіи Савицкаго; уволенъ за то, что разбилъ банку съ растворомъ золота. Въ ремесленной квартирѣ велъ себя спокойно, но былъ случай кражи денегъ у прислуги. Привлеченъ къ суду за кражу часовъ стоимостью 4 руб. и браслета 35 руб. Мнѣніе сестры о малолѣтнемъ было такое, что его нужно отправить въ колонію, такъ какъ на исправленіе его она не надѣется. Мировой Судья отдалъ его, В., подъ присмотръ попечителя. Мальчикъ былъ помѣщенъ въ общежитіе попечительства о малолѣтнихъ для пріисканія занятій. На другой день онъ поступилъ въ чайную, — столъ и квартира хозяйскіе, жалованье 5 руб. Черезъ мѣсяцъ В., придя къ попечителю, просилъ разрѣшенія оставить чайную, такъ какъ онъ тамъ не можетъ научиться ничему хорошему; помѣшенъ въ общежитіе попечительства для подысканія другого занятія. Здѣсь малолѣтній заболѣлъ разстройствомъ желудка и былъ отправленъ въ Обуховскую больницу, гдѣ пробылъ 2 мѣсяца. По выздоровленіи В. поступилъ къ газетчику, съ жалованьемъ сперва 9, потомъ 10 руб. въ мѣсяцъ. Въ томъ же домѣ, гдѣ находится общежитіе, малолѣтній нанялъ уголь за два рубля въ мѣсяцъ; одѣяло и подушка были куплены на средства попечительства. Такъ какъ торговать мальчику пришлось на людномъ мѣстѣ, то полиція стала запрещать ему, потому что у него не было бляхи. Попечительство обратилось съ просьбой къ инспектору по дѣламъ печати, который и выдалъ бляху. Во время пребыванія В. у газетчика ему былъ истребованъ изъ деревни паспортъ.

Послѣ 7^{1/2}-мѣсячнаго присмотра В. былъ отданъ подъ надзоръ попечителя, такъ какъ родные на судъ не явились. Въ мартѣ, съ согласія попечителя, малолѣтній перешелъ къ другому газетчику, который сталъ платить ему 12 руб. въ мѣсяцъ. Во время великаго поста одинъ изъ малолѣтнихъ С. рассказалъ В., что ему съ товарищами удалось въ церкви вытащить изъ кармана больше 30 руб., мальчикъ не обратилъ на это вниманія, но потомъ, узнавъ, что деньги украдены у знакомаго ему газетчика, при встрѣчѣ съ С. задержалъ его и свелъ въ участокъ, гдѣ тотъ и сознался во всемъ. На судѣ газетчикъ потерявшій плакалъ о деньгахъ, какъ ребенокъ: дома у него лошадь на смерть убила отца; семья большая, а работниковъ одна жена. Украденныя деньги онъ съ большимъ трудомъ собралъ у знакомыхъ въ займы и хотѣлъ послать въ деревню.

На страстной недѣлѣ В. исчезъ, не взявъ съ собой паспорта и ничего не сказавъ хозяину. Черезъ три недѣли В. вернулся въ общежитіе и разсказалъ, что почувствовалъ себя дурно въ столовой, онъ ушелъ въ Обуховскую больницу. Скоро онъ поступилъ на мѣсто къ прежнему хозяину.

К. 15 лѣтъ. (По попечительской книгѣ № 293). К. Родился въ Петербургѣ: учился два года въ начальной школѣ; курса не окончилъ. Семья состоитъ изъ отца, матери и двухъ сестеръ, изъ которыхъ старшей 18 лѣтъ, а младшей 6 лѣтъ. Старшая прислугой, получаетъ 6 руб. при готовомъ столѣ и квартирѣ. Во время перваго разбора дѣла отецъ служилъ у доктора, получая 3 руб. жалованья, столъ и квартиру. Онъ человѣкъ, забитый нуждой, К. два года жилъ въ колбасной, гдѣ и совершилъ кражу по подговору дворника. Послѣ отдачи подъ присмотръ малолѣтній больше двухъ мѣсяцевъ жилъ въ Петергофѣ въ табачномъ магазинѣ; вернувшись въ Петербургъ, поступилъ въ репсковый погребъ на жалованье 5 р. при хозяйскомъ столѣ и квартирѣ. 3 мѣсяца велъ себя хорошо; потомъ сталъ красть вино и пить его, такъ что хозяинъ принужденъ былъ отказать ему отъ мѣста. Вслѣдствіе дурнаго поведенія К. былъ вызванъ Мировымъ Судьею, который предупредилъ его, что если онъ не исправится, то будетъ помѣщенъ въ пріютъ. Матеріальное положеніе отца К. къ этому времени измѣнилось къ лучшему: онъ получилъ мѣсто дворника, съ жалованьемъ 15 р. при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи. Малолѣтній былъ оставленъ у отца до присканія занятія. Черезъ мѣсяць, попечитель, придя въ камеру, встрѣтилъ здѣсь К., который разсказалъ, что вчера, пользуясь болѣзнью матери и отсутствіемъ отца, онъ взялъ паспортъ и ушелъ изъ дому, потому что мать своей бранью не давала ему покою. Малолѣтній былъ тотчасъ же посланъ къ отцу; на другой день туда явился попечитель. Родители хотѣли, чтобы сынъ провелъ съ ними святки, такъ какъ отецъ нуждается въ его помощи. К. говорилъ, что если ему не разрѣшатъ поступить въ пивную, куда его черезъ недѣлю беретъ хозяинъ, то онъ сбѣжитъ отъ родителей. Мать все время напоминала сыну о его прежнихъ проступкахъ, что приводило К. въ раздраженіе. Послѣ продолжительнаго обсужденія родители согласились поставить сына въ пивную. Здѣсь онъ велъ себя хорошо до тѣхъ поръ, пока родители не взяли его, найдя, что работа тяжела

и К. охотно пошелъ къ нимъ. Послѣ 11½ мѣсячнаго присмотра К. былъ отданъ подѣ надзоръ отца.

И. 14 лѣтъ. (По попечительской книгѣ № 279). Родныхъ никого нѣтъ. Мать умерла вскорѣ послѣ рожденія; отецъ пропалъ безъ вѣсти, когда мальчику было два года. Его взялъ знакомый родителей, котораго И. считаетъ своимъ отцомъ и виновникомъ смерти законнаго отца. Съ пяти лѣтъ воспитатель помѣстилъ малолѣтняго въ пріютъ Сегаль, гдѣ онъ жилъ до 9 лѣтъ. 8 лѣтъ изъ пріюта сталъ ходить въ школу, учился около году. умѣеть читать и писать. 9 лѣтъ И. взялъ къ себѣ водопроводчикъ вмѣсто сына, но черезъ 6 мѣсяцевъ опять передалъ въ пріютъ, потому что мальчика стала навѣщать знакомая ему женщина, а водопроводчику это не нравилось. Она взяла къ себѣ малолѣтняго изъ пріюта, но это не понравилось господамъ, у которыхъ ей приходилось жить прислугой. И. былъ переданъ прежнему воспитателю. Здѣсь онъ жилъ около двухъ лѣтъ, нянчилъ дѣтей; послѣ былъ поставленъ въ ученье къ портному. Черезъ годъ портной уѣхалъ на родину; оставшись безъ работы И. вновь пришелъ къ воспитателю, но жена его черезъ 4 дня выгнала. Въ теченіе 6 мѣсяцевъ малолѣтній жилъ въ ночлежномъ домѣ на Глиняной улицѣ, д. № 5. Средства къ жизни доставалъ кражей дровъ съ ломовыхъ извозчиковъ. Зимой выручалъ около 70 к. въ день, а лѣтомъ меньше. Объяснилъ разницу тѣмъ, что зимой дрова съ саней можно брать руками, такъ что извозчики совсѣмъ не замѣчаютъ. Лѣтомъ же приходится сбрасывать ихъ иногда палкой, иногда руками; падая на твердую землю, они производятъ сильный стукъ. Кромѣ того, зимой поздно разсвѣтаетъ и рано темнѣетъ, это тоже облегчаетъ кражи. Украденныя дрова складывали въ шайки подѣ водосточными трубами, а потомъ продавали: березовое полѣно за 5 к., сосновое за 3 к. Послѣ разбора дѣла 2½ мѣсяца работалъ въ коробочной, получая 20 к. въ день; отсюда перешелъ къ живописцу, но вскорѣ скрылся. Черезъ 4 мѣсяца былъ задержанъ за кражу швейной машины и помѣщенъ въ исправительно-воспитательный пріютъ.

Малолѣтній Р. (По попечительской книгѣ № 16). Въ Петербургѣ 9-й годъ. Кончилъ начальную городскую школу. Жилъ все время при родителяхъ безъ занятій. Отецъ былъ кучеромъ, но передъ совершеніемъ мальчикомъ кражи былъ безъ работы. Мать ходитъ по стиркамъ. Р. бѣгалъ съ уличными мальчишками

безъ всякаго присмотра. Уходилъ изъ дому безъ спросу. Обманывалъ родителей. Первую кражу совершилъ въ чайной. Былъ отданъ подъ надзоръ родителей, такъ какъ производилъ благопріятное впечатлѣніе, обѣщавъ найти работу. Черезъ мѣсяць однако Р. опять попадаетъ въ кражѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ скрывается изъ дому. Только еще совершивъ кражу, попадаетъ въ пріютъ. Въ пріютѣ пробылъ около 2-хъ мѣсяцевъ, велъ себя прекрасно. Просилъ освободить, обѣщая вести честную жизнь. Въ іюлѣ былъ освобожденъ, но въ августѣ совершилъ опять кражу. Въ сентябрѣ былъ приговоренъ въ 1-й с.-петербургскій воспитательно-исправительный пріютъ.

Не имѣя надлежащаго за собой присмотра, Р., проводя время на улицѣ, получилъ уличное воспитаніе. Сдѣлался хитрымъ, лживымъ, пронырливымъ. Будучи очень разсудительнымъ, зналъ гдѣ можно вліять посредствомъ грубости, нахальства—былъ грубъ и нахаленъ, а гдѣ такъ нельзя—былъ вѣжливъ, услужливъ, и ласковъ. Родители сначала не могли нахвалиться и не вѣрили, что ихъ сынъ пойдетъ на воровство. Передъ ними онъ именно держался такъ, что тѣ его ни въ чемъ дурномъ и замѣтить не могли. Трудно поддается вліянію и упорно преслѣдуетъ намѣченную цѣль. Любитъ властвовать и первенствовать.

Малолѣтній П. (По попечительской книгѣ № 67). Родился въ Петербургѣ. Отецъ работаетъ на лѣсопильномъ заводѣ. Мать умерла два года тому назадъ, оставивъ на рукахъ отца четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшій П. (12 лѣтъ), а младшей 3 года. П. учился въ школѣ 4 года, но кончить не могъ, такъ какъ въ послѣднее время совершенно пересталъ заниматься. Утромъ уходитъ какъ будто въ школу, а время между тѣмъ проводитъ на улицѣ. Со смертью же матери онъ остался совершенно безъ всякаго надзора. Отецъ цѣлый день на работѣ. Меньшихъ дѣтей оставлялъ на попеченіе квартирной хозяйки, а П. болтался на улицѣ. Занимался нищенствомъ, а потомъ и воровствомъ. Пробовалъ отецъ отдавать его въ столярную мастерскую, но черезъ день мальчуганъ оттуда убѣгалъ. И несмотря на то, что послѣ перваго разбора дѣла обѣщавъ слушаться отца, заняться работой и перестать бѣгать съ уличными мальчиками, П. ничего этого не исполнилъ. Былъ поставленъ въ чайную. Оттуда, утащивъ два фартука, убѣжалъ. Былъ задержанъ и отправленъ въ пріютъ. Пробылъ тамъ 1½ мѣсяца. Велъ себя хорошо. Освобожденъ и поставленъ отцомъ въ сапожную мастерскую. Въ мастерской былъ

только одну недѣлю. Убѣжалъ и сталъ изъ дому таскать все, что подъ руки ни попадетъ. Укралъ у отца портсигаръ, теплую рубаху, у жильцовъ деньги и проч. Приговоренъ въ С.-Петербургскую земледѣльческую колонію.

Малолѣтній К., 13 лѣтъ. (По понечительской книгѣ № 1087).

Сынъ акушерки. Родился и выросъ въ провинціальномъ городѣ. Отецъ умеръ въ больницѣ для душевно-больныхъ. Съ самаго малолѣтства, по словамъ матери, мальчикъ началъ проявлять нѣкоторыя странности. Что ему ни покупали, онъ сейчасъ же ломалъ, рѣзалъ. Онъ рѣзалъ ножницами на себѣ рубашку, и кальсоны, и чулки, и все, что попадало, свои тетради, книги, домашнія вещи, отдѣлки и пр. Читать научился 6 лѣтъ. Къ 7-ми годамъ былъ взятъ учитель, хотѣли дома приготовить за 4—5 классовъ, чтобы онъ не соприкасался ни съ чѣмъ дурнымъ. Учитель занимался 2 часа въ сутки, а остальное время мальчикъ былъ предоставленъ себѣ или оставленъ на прислугу. Когда ему было 8 лѣтъ, умеръ отецъ, а мать простудилась, заболѣла ревматизмомъ, ходила на костыляхъ. За недостаткомъ средствъ, былъ отправленъ въ деревню къ знакомому учителю, гдѣ онъ цѣлый годъ учился въ сельской школѣ. Потомъ 1½ года учился въ приходской, которую и кончилъ. По собственному желанію былъ помѣщенъ въ духовное училище, гдѣ велъ себя хорошо и учился вторымъ ученикомъ. Съ января 1910 года круто измѣнился къ худшему. Началъ читать пинкертоновскую литературу. Бросилъ чтеніе серьезныхъ книгъ и прислуживаніе въ церкви, что очень любилъ. Сталъ дерзкимъ, непослушнымъ. Книги отнимали, жгли. Началъ таскать по 2—3 коп., потомъ и больше. Въ кражахъ не сознавался. И даже, когда чуть не за руку поймали, при кражѣ 50 коп. — не сознался. Началъ брать вещи, переносить и дарить въ другомъ домѣ. Къ Пасхѣ пріѣхалъ въ городъ циркъ. Ему захотѣлось посѣщать его, а было время экзаменовъ. Тетка не пускала: „раньше выдержи экзамень, тогда и пойдешь“. Мать была въ отлучкѣ. Доводы тетки ни къ чему не привели. Онъ сталъ убѣгать, не ночевать дома и изыскивать средства пріобрѣсти деньги. Началъ ходить по пациенткамъ матери и просить на пропитаніе, говоря, что мать уѣхала, а имъ съ тетей кушать нечего. Многіе ему повѣрили, давали. Онъ собиралъ рублей 20, все издержалъ на циркъ, сласти и букеты, даря ихъ актрисамъ, за что ходилъ за кулисы и на репетиціи. Не ночевалъ при этомъ сутокъ по 2—3 дома, а спалъ, то на крышѣ, то въ бесѣдкѣ. Былъ посаженъ дома и отобраана верхняя одежда.

Спусти двѣ недѣли въ 6 часовъ утра, когда еще все спали, бѣжалъ. Одѣлъ чулки матери, туфли, накидку и взялъ съ собою ея часы. Шанку выпросилъ на дворѣ у мальчиковъ. Въ коробокъ сложилъ книги, взялъ полотенце и мыло. Дома оставилъ записку: „пошелъ топиться, а вмѣсто камня взялъ книги. Помолись за своего Колю“.

Отыскался въ деревнѣ за 2 версты отъ города. Зашелъ въ знакомый домъ и просилъ накормить. Во время этого побѣга тоже ходилъ къ знакомымъ матери и просилъ дать денегъ. Былъ освидѣтельствованъ врачомъ, онъ нашелъ ненормальное строеніе черепа и посоветовалъ перемѣнить для него обстановку и образъ жизни. Мать написала своему брату въ Петербургъ, думая, что въ чужомъ городѣ, не имѣя знакомыхъ, мальчикъ исправится. Пока шла переписка, мать помирилась съ сыномъ. Онъ во всемъ покаялся, обѣщалъ исправиться. Началъ усердно готовиться по учебнымъ предметамъ. Но не долго удержался. Въ скоромъ времени опять скрылся изъ дому. Не пришелъ ночь, вторую, а тутъ стали прѣзжать къ матери ея знакомые и справляться объ ея здоровьѣ. Оказывается мальчикъ ходилъ по знакомымъ и просилъ для больной матери. Полиція задержала его въ циркѣ. Потомъ былъ отправленъ въ Петербургъ къ дядѣ.

Тутъ въ Петербургѣ, воспользовавшись отсутствіемъ дяди, укралъ у него 70 руб. Съ ними скрылся и былъ въ отсутствіи цѣлую недѣлю. Явился и просилъ прощенія. Его и простили. Черезъ нѣкоторое время опять, воспользовавшись отсутствіемъ взрослыхъ, завязалъ въ узелъ все болѣе цѣнныя вещи, перерывъ рѣшительно все, старался вынести на улицу, но дворникъ не пустилъ. По соудству упросилъ прислугу помочь ему вынести вещи, подарилъ ей вѣтеръ, перчатки, платки и проч. и какими то путями черезъ чужія квартиры удалось пронести вещи на парадную лѣстницу, но тутъ опять препятствіе въ лицѣ швейцара. Пришлось вернуться обратно въ квартиру. Дворникъ заперъ его въ квартирѣ, но мальчикъ, вскочивъ на подоконникъ, грозилъ выброситься во дворъ съ 5 этажа. Его и выпустили. Захвативъ съ собою дамскія бальныя перчатки, зонтикъ и кое-какія мелкія вещи, ушелъ, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ. Нокружившись на извозчикѣ по городу, прѣхалъ къ другому своему дядѣ и просилъ заплатить извозчику, но когда дядя отказался платить, то извозчикъ свезъ его въ сыскную полицію. Дядя заявилъ полиціи о покушеніи на кражу и просилъ привлечь мальчика къ законной отвѣтственности. Мать отказалась взять къ себѣ. Приговоренъ въ С.-Петербургскую земледѣльческую колонію.

Малолѣтній С., 15 лѣтъ. (По попечительской книгѣ № 27).
 Родился въ Петербургѣ. Отецъ столяръ-бѣлодеревецъ. Мать иногда ходила по стиркамъ. Отецъ строгъ и даже суровъ. Мальчику не давалъ потачки, а за малѣйшіе проступки наказывалъ. С. тоже былъ упрямъ, самолюбивъ и гордъ. Расправы отца вредно отзывались. Послѣ нихъ онъ убѣгалъ изъ дому и время проводилъ въ баняхъ. Здѣсь сошелся съ дурными товарищами. Потомъ сталъ уходить съ товарищами и почевать на сѣнныхъ баркахъ. Отсюда и совершилъ вмѣстѣ съ другими кражу изъ часового магазина. Послѣ перваго разбора дѣла былъ поставленъ въ газетчики, но отсюда ушелъ и нѣкоторое время не являлся домой. Былъ взятъ въ пріютъ. Пробылъ тамъ съ мѣсяцъ. Вель себя хорошо и очень просилъ освободить, обѣщая слушать родителей. Былъ дѣйствительно освобожденъ. Сталъ работать вмѣстѣ съ отцомъ, а потомъ былъ опредѣленъ на фабрику, гдѣ работаетъ и сейчасъ. Дѣло кончено надзоромъ.

Малолѣтній К., 16 лѣтъ. (По попечительской книгѣ № 65).
 Родился въ Петербургѣ. Отецъ содержитъ портняжную мастерскую. Мать завѣдуетъ хозяйствомъ. Отецъ страдаетъ запоемъ. К. кончилъ начальную городскую школу. Былъ отданъ въ типографію наборщикомъ, но отсюда за шалости былъ удаленъ. 2½ недѣли работалъ у электротехника, за шалости и отсюда удаленъ. За это время сошелся съ дурными товарищами, время проводилъ съ ними въ чайныхъ и трактирахъ. Домой являлся поздно, а уже рано утромъ за нимъ являлись товарищи. Не смотря ни на какія запрещенія отца, уходилъ изъ дому съ товарищами. Отецъ хотѣлъ приучить къ своему ремеслу, но мальчикъ ни за что не хотѣлъ учиться: „хоть убей, а портнымъ не буду“. Гуляя съ товарищами, покушался на кражу портмоне изъ ридикюля, но былъ задержанъ. Послѣ перваго разбора дѣла былъ отправленъ въ пріютъ. Въ пріютѣ пробылъ съ мѣсяцъ. Обѣщаль работать съ отцомъ и просилъ отпустить. Былъ освобожденъ. Началъ усерднѣйшимъ образомъ работать съ отцомъ. Но отецъ иногда былъ несправедливъ къ сыну и часто, даже при постороннихъ, напоминалъ сыну о совершенномъ имъ дурномъ проступкѣ, почему М—ъ, вырвавшись, по вечерамъ, изъ такой непріятной для него атмосферы, гулялъ дольше обыкновеннаго. Отецъ откровенно говорилъ, что частымъ напоминаемъ онъ думалъ лучше повліять на сына. Убѣдившись, что это очень вредно отзывается на сынѣ, отецъ пересталъ напоминать мальчику о совершенномъ проступкѣ.

Въ семьѣ воцарился миръ. Тутъ отецъ опять запилъ и умеръ. Мальчикъ, со смертью отца, какъ старшій мужчина въ семьѣ, увидѣлъ, что на немъ лежитъ обязанность заботиться о матери и малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ, началъ вести себя еще лучше и работать усерднѣе. Дѣло кончено надзоромъ.

Малолѣтній А., 16 лѣтъ. (По попечительской книгѣ № 68).
Въ Петербургѣ съ малолѣтства. Отецъ кучеръ. Держитъ и своихъ лошадей. А. ѣздилъ легковымъ извозчикомъ. Раньше жилъ въ магазинѣ 6 мѣсяцевъ, но ушелъ оттуда по болѣзни. Ѣздивши извозчикомъ познакомился съ дѣвицей Е—й М., на которой обѣщаль жениться. Просилъ объ этомъ родителей. Отецъ и мать ходили даже сватать, но узнавъ, что дѣвица находится безъ мѣста, начали уговаривать сына выбросить эту мысль. Сынъ не послушался. Родители выгнали изъ дому въ Страстную субботу. Пасху мальчикъ провелъ у знакомыхъ и у матери Е—ы. Думаль найти какую-нибудь работу: „стало совѣстно жить на чужой счетъ“. Приходить опять къ роднымъ, его не принимаютъ. Тогда А., чтобы имѣть хоть нѣсколько денегъ на пропитаніе, рѣшается украсть у родителей куски ситцу, продаетъ ихъ за 1 р. 10 к. Родители заявляютъ полиціи и составляютъ протоколъ, и дѣло поступаетъ къ Мировому Судьѣ. Къ разбору дѣла явилась и дѣвица Е—а М., считавшая себя невѣстою А. Отецъ отказался принять сына, далъ только 2 рубля для найма угла. Мать Е—ы наняла комнату, гдѣ они и поселились. Но недолго прожили вмѣстѣ. Непололадили и разошлись. А. поступилъ въ ящичную мастерскую и сталъ жить съ отцомъ. Въ мастерской работать показалось трудно, проработалъ съ мѣсяць, а потомъ упробилъ отца позволить ѣздить извозчикомъ. Теперъ ѣздитъ извозчикомъ, а дѣло кончено надзоромъ.

Малолѣтній В. (По личнымъ впечатлѣніямъ автора и матеріаламъ частной попечительницы Е. Н. Романовой. Попечительскій листъ № 67).

Въ практикѣ дѣтскаго суда сплошь и рядомъ случается, что одно лицо имѣетъ до 5-6 и даже 7 дѣлъ. Привыкаешь ничему не удивляться. Но и здѣсь есть свои „чудеса“, свои маленькіе легендарные „герои“, передъ которыми въ невольномъ изумленіи

останавливаешься. Только 10 лѣтъ и уже 35-40 дѣлъ (не удалось точно установить ихъ числа, такъ какъ малолѣтній только за одинъ годъ побывалъ въ камерахъ почти всѣхъ участковыхъ мировыхъ судей), — и все — карманные кражи. Дѣлъ тридцать прекращены, такъ какъ мальчику не исполнилось 10 лѣтъ въ моментъ ихъ совершенія. Одинъ участковый Мировой Судья примѣнилъ было, въ качествѣ мѣры пресѣченія, временное помѣщеніе В. въ пріютъ, но метрикой было установлено, что обвиняемому меньше 10 лѣтъ, и дѣло было немедленно прекращено, а мальчикъ изъ пріюта освобожденъ.

Исполнилось, наконецъ, этому ребенку 10 лѣтъ и онъ, можно сказать, въ день своихъ 10-лѣтнихъ именинъ опять былъ привлеченъ къ отвѣтственности по новому дѣлу, которое и передано дѣтскому суду. Такъ какъ мальчикъ скрылся и назначенной попечительницѣ не удалось съ нимъ повидаться, то дѣло пришлось слушаніемъ отложить, пока не задержали обвиняемаго.

Маленькая, щуплая и чахлая фигурка, едва выступающая подбородкомъ надъ уровнемъ судейскаго стола; спокойный, увѣренный и независимый видъ; поза полной непринужденности подчеркнута засунутыми въ карманъ руками; сравнительно большая, почти на плечахъ сидящая голова. Лицо — съ нездоровымъ цвѣтомъ и матовой кожей — само по себѣ какъ-то малозначительно; выразительными на немъ лишь кажутся и невольно обращаютъ на себя вниманіе глаза, носъ, брови и общее ихъ сочетаніе. Маленькій, съ страннымъ перехватомъ по срединѣ, носъ: книзу — пуговицей, кверху — необычно расширенный и гладко сливающийся со лбомъ и большими надбровными дугами. Насупленные, сросшіяся у носа, раскосыя брови, и подъ ними глубоко сидящіе глаза: умные, хитрые, лукаво проницательные, быстро бѣгающіе и все подмѣчающіе глаза.

Очень способный отъ природы и развитой не по лѣтамъ, мальчикъ смысленъ и боекъ, непокоренъ и необузданъ, заносчивъ и хвастливъ; держится самоувѣренно, какъ взрослый; выпукло проступаютъ въ характерѣ черты самолюбія, тщеславія и „героизма“; все, конечно, въ психологическомъ соотвѣтствіи съ возрастомъ. Онъ охотно рассказываетъ товарищамъ о своихъ похожденияхъ и подвигахъ; но передъ посторонними — на счетъ товарищей крайне сдержанъ. По поводу своихъ дѣлъ ни стыда, ни раскаянія, ни сожалѣнія; наоборотъ, замѣтно бравированіе проступками. По его словамъ, курить; „водку раньше пилъ стаканами“ (?); играетъ въ карты и „за одинъ разъ проигрывалъ по 8 рублей“.

Это и есть В., „семейный человекъ“ въ 10 лѣтъ. И хотя на счетъ „семейной жизни“ „газеты врутъ“, какъ увѣрялъ онъ попе-

чительницу (В. „пропечатывали“ не одинъ разъ, и предметомъ вниманія газетъ онъ служилъ не только по поводу своихъ проступковъ), тѣмъ не менѣе его товарищъ,—сказавшій много вѣрнаго о немъ,—утверждалъ, что В. „всегда путался съ дѣвочками А. и Ш.“ (сестры—10 и 12 лѣтъ—одного изъ товарищей В.; въ настоящее время онѣ помѣщены за проступки въ исправительно-воспитательный приютъ имени Императора Александра III); вмѣстѣ съ ними же онъ, „работавшій лучше всѣхъ“, одинъ разъ „на Фивляндскомъ вокзалѣ похитилъ изъ ридикюля у дамы 1500 рублей“, а потомъ „подѣлились съ мальчиками другой партіи, которая у Сѣнной площади“.—„Работа“ совмѣстно съ дѣвочками не мѣшала, однако, В. „работать“ и вмѣстѣ съ товарищами. Онъ стоялъ во главѣ цѣлой партіи. Сколько ихъ было—неизвѣстно; но тотъ же товарищъ, который говорилъ о дѣвочкахъ, наскоро могъ припомнить изъ этой партіи 14 человекъ, въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ. Выпукло и характеризуетъ онъ ихъ: выслались—10 (одинъ выслался 20 разъ); судились—12; отбывали тюремное заключеніе—5; въ колонію были приговорены—4. Изъ 14—8 подростковъ были „по карманной части“. Это цѣлая „школа“, не то созданная В., не то его самого воспитавшая.

Была у В. и другая школа, какая бываетъ и у всѣхъ дѣтей, т. е. начальная городская школа, но отъ нея немногому малолѣтній научился: „скучно было учиться“,—больше изощрялся въ шалостяхъ. Если же съ грѣхомъ пополамъ техника чтенія и далась, то и эта грамота впоследствии примѣнена была къ специфической „литературѣ“, въ родѣ „Разбойника-одноручки“ и т. п.

Семья, въ которой росъ малолѣтній, уроженецъ Петербурга, не безъ дефектовъ, да и матеріально не достаточно обезпечена; однако, исключительной и неблагопріятной въ той мѣрѣ, въ какой исключительнымъ является самъ малолѣтній, ее нельзя назвать. Отецъ (пилъ)—8 лѣтъ тому назадъ умеръ отъ плеврита; старшій сынъ служить фельдшеромъ въ г. Николаевѣ; старшая дочь замужемъ въ Петербургѣ,—служить въ винномъ складѣ. Мать съ двумя дочерьми (одной дочери—17 лѣтъ, окончила 4-хъ-классное училище,—ищетъ мѣсто; другая, меньше ея, еще учится,—тоже въ 4-хъ-классномъ училищѣ); держатъ квартиру, въ три комнаты съ кухней, платятъ 20 рублей безъ дровъ („дрова выпрашиваемъ гдѣ нибудь“,—говоритъ мать); комнаты сдаютъ жильцамъ и когда всѣ три комнаты заняты, то семьѣ „хватаетъ“. Крайней нужды нѣтъ; даже замѣтны, какъ отмѣчаетъ попечительница, слѣды нѣкотораго достатка: комнаты свѣтлыя, обставлены—порядочно, содержатся чисто; тюлевые занавѣски, салфетки и т. п.

Мать женщина любящая своихъ дѣтей и заботливая (всѣ дѣти грамотны; дочери опрятно одѣты), но болѣзненная и безхарактерная. Это послѣднее обстоятельство, видимо, и послужило причиной ненормальныхъ отношеній, установившихся между мальчикомъ и семьей. Раньше мать баловала и слабо держала его, что и начало портить В. Онъ сталъ пропадать изъ дому и появляться тогда, когда приводили изъ участка. Мать сначала плакала, ругала мальчика, потомъ стала бить его и не прочь была, „кабы померь“. Старшія сестры презирали брата („позорить насъ“) и сторонились его. Малолѣтній тѣмъ же платилъ сестрамъ, хотя побаивался старшей (замужней), а также брата (фельдшера) и, по словамъ меньшей сестры, любилъ только ее и мать, причемъ съ послѣдней былъ откровеннѣе всѣхъ.

Но и во взаимоотношеніяхъ матери и В., повидимому, только ея любовь претворялась въ дѣло; что же касается его отношеній къ матери, то они видны хотя бы изъ слѣдующаго случая. Когда В. исполнилось 10 лѣтъ и онъ вновь былъ привлеченъ за кражу, мать увезла его къ брату въ г. Николаевъ, чтобы оставить его жить тамъ. Хотѣла-ли она его избавить отъ суда, зная, что теперь ему придется отвѣтить за все; было-ли цѣлью отправки желаніе вырвать сына изъ среды его старшихъ товарищей и, такимъ образомъ, еще разъ дать ему возможность исправиться; или же ею руководило инстинктивное, немотивированное чувство материнской любви; независимо отъ этого—намѣренія матери закончились совершенно неожиданно: по приѣздѣ въ Николаевъ, В. рѣшительно заявилъ, что не останется у брата жить („боюсь“) и постарался расположить мать въ свою пользу: онъ далъ ей обѣщаніе вести себя хорошо, если только она возьметъ его съ собой обратно и позволить ему жить дома, при ней. Вернулись. Но мать домой мальчика не довезла: уже въ Петербургѣ, по дорогѣ съ вокзала на квартиру, онъ соскочилъ съ извозчика и убѣжалъ.

На разспросы попечительницы о прошлой жизни мальчика—мать сообщила, что сынъ сталъ портиться и вести себя худо—уже съ 8 лѣтъ. Началось съ мелкихъ домашнихъ кражъ: домашнія вещи, деньги изъ копилки, шапки, сапоги, словомъ, все, что подъ руку попадалось, В. таскалъ изъ дому и сбывалъ гдѣ-то на сторонѣ, Даже собственная одежда,—если ему давали надѣть что-либо, представлявшее цѣнность,—продавалась. Денегъ при немъ никогда не было („помогалъ товарищамъ“); родные утверждали, что мальчикъ гдѣ-нибудь копилъ ихъ.

На ту же дорогу толчекъ былъ полученъ и въ школѣ. Тамъ испорченные товарищи увлекли В. въ свою среду, и, вмѣсто по-

сѣщеній школы, ими устраивались прогулки по улицамъ, игры и какіе то „номера“, о которыхъ мальчикъ говоритъ сбивчиво и неясно. Наконецъ, школа совсѣмъ заброшена, несмотря на убѣжденія, просьбы и наказанія матери. Послѣдняя пыталась отправлять его въ школу съ сестрой, водившей брата за руку. Но и эта мѣра оказалась безрезультатной: по дорогѣ мальчикъ давалъ сигнальный свистокъ, на который являлись товарищи и били сестру по рукамъ, пока та не отпускала брата, и онъ не убѣгалъ вмѣстѣ съ ними.

Природныя способности, смѣтливость, смышленность, ловкость, и проворство, а также находчивость и способность быстро осваиваться съ положеніемъ, всѣми приѣмами, жаргономъ, привычками и манерой поведенія худыхъ своихъ товарищей,—всѣ эти качества—снискали малолѣтнему широкую популярность не только среди ровесниковъ, но даже и взрослыхъ элементовъ этой среды, сумѣвшей утилизировать въ своихъ цѣляхъ и способности мальчика, и его возрастъ („до 10 лѣтъ все можно“), приучая его, такимъ образомъ, къ безнаказанности.

Однако, въ силу своихъ „талантовъ“, В. не удовольствовался положеніемъ равнаго и вскорѣ затмилъ и перещеголялъ въ смѣтливости и ловкости многихъ старше себя, ставъ во главѣ цѣлой партіи своихъ товарищей, почтившихъ его за быстроту и находчивость прозвищемъ „Шкили-Пуля“. И онъ дѣйствительно сталъ виртуозомъ „по карманной части“ и проявилъ такую дерзость въ проступкахъ, какая и взрослому не всякому по плечу. Попечительница отмѣчаетъ случай, когда малолѣтній былъ задержанъ за проступокъ и доставленъ въ участокъ. Пока околоточный надзиратель составлялъ протоколъ на него—В. вытащилъ у надзирателя изъ кармана кошелекъ и изъ участка скрылся.

Такимъ обрисовывается этотъ мальчикъ, совершенно перескочившій періодъ своего дѣтства. Но это его прошлое, а вотъ онъ и въ настоящемъ. Разборъ дѣла. Самъ В. содержится въ части. Попечительница идетъ къ нему туда на свиданіе, бесѣдуетъ съ нимъ. Онъ довольно охотно рассказываетъ о своей жизни, своихъ похожденияхъ и о себѣ самомъ. Но ни здѣсь, ни впослѣдствіи, на судѣ онъ ни единымъ словомъ не проговаривается о своихъ товарищахъ, чтобы не повредить имъ.

На судѣ В. старается держаться „героемъ“. Приговоръ, постановленный по совокупности нѣсколькихъ дѣлъ (земледѣльческая колонія до 18 лѣтъ), какъ казалось, былъ для него нѣсколько неожиданнымъ, и онъ растерялся. Но, чтобы не дать замѣтить своего смущенія, мальчикъ скоро овладѣлъ собой, принялъ прежній гордый

видъ и рѣшительно утѣшилъ себя: „Ну, что-жъ, все-равно убѣгу изъ колоніи“.

Послѣ приговора В. умышленно старался подчеркнуть грубость и цинизмъ своихъ выраженій и, на примѣръ, укоры и слезы матери черство и рѣзко оборвалъ: „Ну, ты,—чего скулишь?!“. Въ этомъ сказывалась и нѣкоторая озлобленность, и желаніе не показаться передъ посторонними ребенкомъ (какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ); кромѣ того, было, видимо, и вполне искреннее самоутѣшеніе: „Убѣгу; тамъ всѣ бѣгаютъ, и я убѣгу; не стану ничего дѣлать“,—говорилъ онъ матери и попечительницѣ.

Передъ отправленіемъ изъ камеры въ колонію попечительница предложила ему проститься съ матерью; но В. прошелъ мимо матери, даже не взглянувъ на нее. Попечительницѣ удалось на нѣкоторое время остановить его и поговорить съ нимъ наединѣ. Она стала убѣждать его, что нельзя такъ поступать по отношенію къ матери; попыталась вызвать въ немъ то дѣтское, что мелькнуло въ немъ въ минуту растерянности и беспомощности его при чтеніи приговора. Въ началѣ бесѣды мальчикъ упорно твердилъ свое: „Не желаю прощаться“. Но послѣ того, когда попечительница указала В., что его ждетъ одиночество, что семья отъ него отвернулась, а тамъ, въ колоніи, онъ останется надолго и одинъ среди новыхъ и чужихъ людей, что онъ можетъ вдругъ заболѣть; когда указала мальчику, что одна только его мать все-таки любитъ его, жалѣетъ, всегда будетъ думать о немъ, навѣщать его въ колоніи, какъ навѣщала его и въ части, и даже черезъ попечительницу передавала ему бѣлье; что мать можетъ вдругъ заболѣть или умереть, и ему жаль будетъ, что онъ не хотѣлъ даже проститься съ ней и обидѣлъ ее, совѣсть будетъ мучить,—малолѣтній забылъ свой тонъ: задоръ пропалъ (да и не передъ кѣмъ было его демонстрировать:—съ нимъ была одна попечительница); на глазахъ появились слезы, а когда попечительница позвала мать, В. припалъ головой къ колѣнамъ матери, какъ бы ища защиты.

Было-ли это все притворно или искренно попечительница затрудняется съ увѣренностью утверждать; скорѣе допускаетъ, что мальчику дѣйствительно стало жутко. Мать благословила его, и онъ поцѣловалъ ее и, насколько могъ, нѣжно простился съ матерью и съ попечительницей. Кромѣ того, далъ обѣщаніе попечительницѣ попробовать пожить въ колоніи безъ попытокъ къ побѣгу и начать учиться.

Въ чемъ кроется причина исключительности этого мальчика? На основаніи наблюденій и въ особенности послѣдней бесѣды съ малолѣтнимъ попечительница пришла къ отрицательному выводу

по вопросу объ органической и наслѣдственной предрасположенности мальчика къ проступкамъ. Ей болѣе вѣроятнымъ представляется другое объясненіе: съ одной стороны, слишкомъ дѣятельная и энергичная натура, съ другой—всѣ способности ея, благодаря случайностямъ и отсутствію надлежащаго воспитанія, были съ самаго ранняго дѣтства направлены въ дурную сторону. Совокупность этихъ условій и дала такіе грустные результаты.

Ко всѣмъ матеріаламъ, на основаніи которыхъ написана настоящая характеристика, попечительница дѣлаетъ оговорку, что наблюденія ея были недостаточны, такъ какъ она бесѣдовала съ мальчикомъ только два раза: передъ разборомъ дѣла (въ части) и въ день разбора дѣла (въ камерѣ); семью на дому посѣтила два раза, да мать малолѣтняго 3 раза и сестра—одинъ разъ приходили къ попечительницѣ. Личность матери, съ которой В. ближе и искреннѣе всего держался, осталась не вполнѣ уясненной.

Просматривая многочисленныя (въ томъ числѣ и прекращенныя) дѣла мальчика, попечительница обратила вниманіе на одну характерную черту: по первымъ дѣламъ въ показаніяхъ В. на судѣ замѣтны еще нѣкоторыя колебанія; повидимому, изъ чувства стыда мальчикъ—не сознается въ проступкѣ, придумывая разныя объясненія: „Поднялъ на улицѣ“, „задѣлъ случайно, хотѣлъ пройти мимо“ и т. п.; но по мѣрѣ того, какъ постепенно исчезали и стыдъ (увеличивалось число проступковъ, В. больше портился), и страхъ (за малолѣтствомъ дѣла прекращались),—онъ уже чаще сознается въ своихъ проступкахъ и бравируетъ ими. Послѣ приговора малолѣтній находится въ колоніи.

По обрывочно доходившимъ оттуда сообщеніямъ, товарищеская среда колоніи по началу приняла „героя“ съ распростертыми объятіями и авторитетъ В. былъ непререкаемъ, но постепенно обаяніе его шло на убыль и пониженіе.

В. два раза дѣлалъ попытку къ побѣгу изъ колоніи. Въ первомъ побѣгѣ (лѣтомъ 1910 г.) В., по отзывамъ администраціи колоніи, не былъ инициаторомъ,—смилили его болѣе великовозрастные товарищи; но истекшей зимой В. уже самостоятельно организовалъ побѣгъ группы воспитанниковъ, самонадѣянно обѣщая „доставить всѣхъ благополучно до Петербурга“. Затѣя эта окончилась неудачно: администрація колоніи нашла застрявшими въ снѣгу и „предводителя“, и спутниковъ и вернула ихъ всѣхъ обратно. Что всего „пагубнѣе“ и „стыднѣе“ было для В.—такъ это то, что онъ заблудился въ пути и нечаянно привелъ свою компанію въ предѣлы... той же колоніи, полагая, что довелъ товарищей до одного изъ пригородовъ Петербурга.

Эта неудача, главнымъ образомъ, и нанесла ущербъ авторитету В., занявшему теперь болѣе скромное положеніе и переставшему служить центромъ товарищескаго вниманія. Да и вообще, по слышаннымъ отъ директора колоніи отзывамъ, В. нашелъ тамъ свое дѣтство: съ увлеченіемъ обыкновеннаго ребенка — предается онъ играмъ и забавамъ и если себя въ чемъ проявляетъ, то чисто по дѣтски.

Предыдущія характеристики относятся къ малолѣтнимъ той категоріи, въ отношеніи къ которой приговоры постановлялись въ наиболѣе тяжелой формѣ (тюремное заключеніе и отдача въ воспитательно-исправительную колонію). И—какъ знать,—быть можетъ, болѣе раннее возникновеніе дѣтскаго суда, съ которымъ бы эти малолѣтніе соприкоснулись въ періодѣ начальной стадіи своей испорченности, имѣло бы своимъ послѣдствіемъ и иное рѣшеніе дѣлъ, и иной исходъ для многихъ изъ этихъ подростковъ. Это лишь предположеніе, но вѣроятность его находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ малолѣтніе находились въ обстановкѣ, сходной съ обстановкою выше охарактеризованныхъ дѣтей, и, тѣмъ не менѣе, дѣла о нихъ оканчивались совершенно иначе: дѣтскій судъ помогъ имъ встать твердой ногою на путь честной и нормальной жизни. Недаромъ въ средѣ родителей, куда такъ смутно и медленно просачивается идея дѣтскаго суда („сиротскій судъ“, „исправительный“, „попечительство малолѣткамъ“, „то — большіе суды, а это — маленькій, дѣтскій“ и т. п., такъ пока еще нащупываетъ темная мысль петербургской массы—сущность дѣтскаго суда, ставя, одновременно, этими названіями и очередныя—предупредительнаго характера — задачи общественной инициативы), вмѣсто наблюдавшагося вначалѣ стремленія „скорѣе кончить, дѣло“—въ послѣднее время—въ дѣйствительно серьезныхъ случаяхъ—замѣчается тенденція, „чтобъ подольше судили“; и присмотръ длится иногда по году.

Вотъ характеристики мальчиковъ изъ числа тѣхъ дѣла, которыхъ настоящій отчетъ относитъ къ оконченнымъ благопріятно.

Малолѣтній С. (По попечительской книгѣ № 106). С.—крестьянскій мальчикъ, 16 лѣтъ, уроженецъ Минской губерніи. Въ свое время онъ окончилъ въ селѣ двухклассное министерское училище и въ настоящее время, для своего возраста и положенія, выглядит хорошо грамотнымъ, начитаннымъ и очень развитымъ.

Развитіе его совершалось двумя дополняющими другъ друга путями: теоретическое, книжное и, до нѣкоторой степени, литературное—путемъ чтенія русскихъ классиковъ (Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій и др.); общее, практическое—вырабатывалось путемъ тяжелой жизненной школы, пройденной мальчикомъ съ раннего дѣтства первоначально въ семьѣ, взаимоотношенія родителей которой были крайне ненормальны, а впоследствии—за ея предѣлами.

С. замкнутъ, остороженъ, вначалѣ—недовѣрчивъ, но, подмѣчая, благодаря своей чуткости и наблюдательности, искреннее и довѣрчивое къ себѣ отношеніе,—самъ вдвойнѣ платитъ тѣмъ же и способенъ сильно привязываться къ расположившему его человѣку. Твердый характеръ, значительное самообладаніе и развитое чувство собственного достоинства—дополняются прямою и,—въ какомъ бы кажущемся противорѣчій эта черта ни стояла съ понятіемъ—обвиняемаго,—честностью, въ точномъ значеніи этого слова: въ этомъ отношеніи на него попечитель всегда могъ впоследствии положиться.

Правда, С. совершилъ крупный проступокъ и вполнѣ отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ, сознаетъ, что поступилъ дурно; но не въ его силахъ было совладать съ охватившимъ его порывомъ мстительнаго чувства за причиненную обиду: „Воръ“—вотъ то оскорбительное слово, которое постоянно слышалъ отъ потерпѣвшаго по своему адресу мальчикъ, жившій до возникновенія проступка честно. Такъ утверждаетъ С.

С. пріѣхалъ въ Петербургъ всего лишь два съ половиною года тому назадъ. До этого времени—онъ находился у себя на родинѣ, въ деревнѣ, гдѣ жили отецъ его, имѣющій свой домъ, и мать. Все время, сколько помнитъ мальчикъ, отецъ жилъ съ другой женщиной, съ матерью же—обращался жестоко, билъ ее и вообще не ладилъ; подъ конецъ же вовсе выгналъ ее съ ребенкомъ (С.) изъ дому.

Матери удалось поступить прислугой къ мѣстному священнику и, пока она была жива, мальчикъ находился при ней. Но три года назадъ мать умерла (С. сильно любилъ ее и безъ волненія не можетъ о ней говорить), завѣщавъ сыну—единственному ея ребенку—сбереженія всей своей трудовой жизни: на имя С. въ сиротскую кассу ею было внесено 200 рублей.

Со смертью матери 13-лѣтній мальчикъ остался одинъ, предоставленный самому себѣ, такъ какъ отецъ продолжалъ прежнюю жизнь, и сынъ ненавидѣлъ его за это отъ всей души. С. жилъ—перебиваясь изо-дня въ день, кое-какъ и не имѣя ни малѣйшаго представленія о столицѣ, съ которой ему предстояло вскорѣ ознакомиться. Въ его родномъ селѣ случайно очутился рѣдкій гость,

какой то заѣзжій петербургскій художникъ; такъ же, должно быть, случайно онъ замѣтилъ тяжелую жизнь С. и, по изъявленіи согласія мальчика, увезъ его въ Петербургъ.

Первое время онъ и жилъ у этого художника; жилось ему хорошо: съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ этого человѣка С., обогрѣтый имъ въ трудную минуту своего безрадостнаго, сумеречнаго дѣтства, когда со смертью матери вокругъ него повѣяло такимъ холодомъ жизни. Но черезъ шесть мѣсяцевъ, за отъѣздомъ художника, С. пришлось устраиваться въ Петербургѣ самому. Онъ поступилъ въ услуженіе, мальчиномъ (по пять рублей въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ и хозяйскомъ столѣ; одежда—своя) въ редакцію одного журнала. Редакторъ человѣкъ... Впрочемъ, достаточно будетъ сказать, что этого редактора за незаконное ношеніе снятой съ него военной формы—арестовалъ специально командированный съ этой цѣлью офицеръ комендантскаго управленія; арестовалъ прямо въ залѣ дѣтскаго суда и сразу же послѣ рѣшенія дѣла С., по которому это лицо выступало въ качествѣ истца и потерпѣвшаго. Обстоятельство и характерное, и показательное.

Вотъ этотъ человѣкъ и былъ новымъ хозяиномъ мальчика, хозяиномъ грубымъ, придирчивымъ и звавшимъ С. не иначе, какъ „воромъ“, хотя, по словамъ подростка, онъ „тогда еще жилъ честно и ничего чужого не трогалъ“. Такое обращеніе глубоко оскорбляло С.

Кромѣ того, случай какъ то объединилъ въ общемъ униженномъ положеніи—его и служившую въ редакціи дѣвушку. Дочь отставнаго генерала (такъ рассказывала она о себѣ), имѣвшая послѣ смерти родителей небольшой капиталъ, она въ началѣ была на положеніи невѣсты редактора, но потомъ этотъ человѣкъ, какъ паутиной опуталъ ее всякими долговыми обязательствами. Утративъ свой капиталъ, она „перестала быть невѣстой“ и вынуждена была занять какое то двойственное положеніе: не то пайщика изданія не то просто служащей въ редакціи, да и служащей то не свободной, а на продиктованныхъ редакторомъ условіяхъ, такъ какъ попытка уйти или протесты дѣвушки противъ обмана и издѣвательства надъ ея личностью—вызывали со стороны редактора угрозы скандаломъ и опубликованіемъ ея писемъ, а также переписки покойныхъ ея родителей (письма эти очутились въ его рукахъ въ то время, когда дѣвушка,—здѣсь только прозрѣвшая послѣ институтскаго воспитанія,—еще искренно вѣрила, что она—невѣста редактора, этого, по ея словамъ, „развѣнчаннаго героя русско-японской войны“).

Молчаливо назрѣвала въ душѣ С. своеобразная месть хозяину за свою обиду, а быть можетъ, дѣтское „рыцарство“ готовилось, кромѣ того, мстить и за обиду чужую,—за постоянно

оскорбляемую у него на виду дочь генерала, стоявшую въ глазахъ и мнѣніи простаго мальчика слишкомъ высоко уже по одному своему званію и происхожденію.

Наконецъ, С. „отомстил“: онъ тайкомъ взялъ у редактора на 300 (такая сумма заявлена) рублей мелкихъ, но цѣнныхъ вещей и продалъ все за 12 рублей. Могла быть тутъ еще и нужда, такъ какъ малолѣтній былъ, по его словамъ, „оборванъ, безъ одежды и сапогъ“; 9 рублей были истрачены имъ на покунку пиджака, бѣлья и обуви, а 3 рубля остались; на нихъ С. жилъ, когда былъ уволенъ съ мѣста.

Возникло дѣло (ни раньше, ни послѣ—С. не судился и не привлекался ни за какіе проступки). Въ связи съ содержаніемъ нижеприводимыхъ писемъ, слѣдуетъ здѣсь же подчеркнуть, что на разборѣ дѣла малолѣтній сразу и во всемъ объемѣ призналъ себя виновнымъ. Искъ потерпѣвшаго, откуда то узнавшаго о существованіи 200 рублей, положенныхъ на имя мальчика его матерью въ сиротскую кассу, удовлетворенъ въ размѣрѣ этой суммы. Поскольку же совершенный С. проступокъ являлся уголовно-наказуемымъ, дѣло было окончено отдачей малолѣтняго подъ отвѣтственный надзоръ попечителя.

Впредь до пріисканія С. занятій или мѣста попечитель сваялъ ему (на средства попечительства при дѣтскомъ судѣ) уголь въ домѣ, гдѣ жилъ и самъ, чтобы возможно чаще видѣться съ мальчикомъ, на душевномъ состояніи котораго утрата 200 рублей сильно отозвалась.

Такъ какъ С. чѣмъ-нибудь жить было надо, то попечитель далъ ему 2 рубля и предложилъ пока заняться торговлей въ разность, что тотъ и сталъ дѣлать, добывая себѣ на пропитаніе (не лишняя подробность: своимъ выручкамъ и расходамъ мальчикъ велъ тщательнѣйшую запись, стараясь, видимо, оправдать и сохранить оказанное ему и его честности довѣріе со стороны попечителя). Часто онъ заходилъ къ попечителю совѣтоваться по всѣмъ вопросамъ своихъ маленькихъ дѣлъ. Застѣнчивый и скромный, красивѣющій даже отъ обращеннаго прямо къ нему вопроса или взгляда, С. держался всегда правдиво,—что такъ особенно хорошо бываетъ замѣтно по дѣтскимъ лицамъ,—и никогда не кривилъ душой: онъ могъ промолчать, но не обмануть.

Однако, въ глубинѣ его души съ теченіемъ времени залегла какая то невысказанная печаль; глаза стали грустны и задумчивы, настроеніе—подавленное. Спрашивать его объ этомъ сразу, въ надеждѣ на искренность,—было бы излишнимъ. Отъ прямого отвѣта мальчикъ бы уклонился; нужна была долгая предварительная бе-

сѣда. Но С. такъ стѣснялся утруждать (какъ ему казалось) попечителя, что, покончивъ свои дѣловые вопросы, тотчасъ же торопился уйти къ себѣ, какъ бы боясь быть въ тягость. Приходилось выжидать случая.

Время шло. Оставаясь со своими думами всегда одинъ, подъ тяжестью потери кровныхъ денегъ, не только значительныхъ для мальчика въ своей суммѣ, но и дорогихъ ему, какъ память умершей матери, быть можетъ, безсильный разобратся въ противорѣчій жизни и своихъ чувствъ и мыслей („воръ... пята... на всю жизнь...“, а въ душѣ—желаніе быть честнымъ такъ сильно; такъ велико побужденіе—прямо смотрѣть въ глаза всѣмъ окружающимъ, да и на себѣ испытывать обыкновенный, а не особенный взглядъ другихъ... и опять—неотвязныя мысли: „редакторъ... судъ... 200 р... мать... дѣтство... тусклая жизнь впереди...“), подъ вѣроятнымъ воздѣйствіемъ всего этого,—С. началъ утрачивать свое душевное равновѣсіе, свою волевою устойчивость и вскорѣ зашелъ въ глухой жизненный тупикъ.

Въ одно воскресенье къ попечителю зашла квартирная хозяйка мальчика; видъ у нея былъ встревоженный и растерянный; въ рукахъ два письма, которыя она и подала. Письма были писаны рукой С. и адресованы: одно—ей, другое—приставу. Взяла хозяйка ихъ подъ матрацомъ малолѣтняго, какъ только онъ кончилъ ихъ писать и положилъ туда (она видѣла, какъ С. писалъ, и случайно обратила вниманіе на адресъ). Свое письмо она прочла, послѣ чего сейчасъ же и явилась къ попечителю.

Хозяинъ С. писалъ (поясненія въ скобкахъ не относятся къ тексту писемъ; письма—приводятся здѣсь безъ всякихъ орфографическихъ, смысловыхъ или стилистическихъ измѣненій; лишь нѣсколько знаковъ препинанія измѣнены): „Прощайте (имя и отчество хозяйки). Спасибо за вашу хлѣбъ-соль. Прощайте и вы (названы жильцы). Живите и наслаждайтесь жизнью. Если кого-нибудь оскорбилъ или обидѣлъ—простите. К—у (жильцу)—должень 20 к., N (попечителю)—2 рубля... И грустно, и скучно;—не хочется жить... тяжело жить“...

Приставу: „Въ смерти моей прошу покорнѣйше никого не винить. Мотивъ самоубійства объяснить не могу. Все равно, если бы я не покончилъ съ собой, то съ ума сошелъ бы. Одежду (перечисляется) и все старое и грязное завѣщаю N (слѣдуетъ фамилія потерпѣвшаго въ дѣлѣ С.). Онъ попользовался деньгами моими, которыя мать моя добывала кровію и потомъ; пусть онъ используетъ и это. Онъ отлично знаетъ, что я не виноватъ, но по нѣко-

торымъ причинамъ я огласить этого не могу. Пусть онъ самъ объяснитъ это... Еще... условія жизни крайне тяжелы“.

По счастью, С. не привелъ сразу своего намѣренія въ исполненіе, и попечителю удалось во время застать его дома и пригласить къ себѣ. Когда попечитель и малолѣтній остались одни, послѣдній вначалѣ не могъ отъ волненія выговорить слова и разрыдался. На бесѣду съ мальчикомъ понадобилось нѣсколько часовъ.

О чемъ вообще могъ говорить попечитель съ ввѣреннымъ его отвѣтственнымъ заботамъ юношей и что долженъ былъ онъ сказать автору писемъ, аналогичныхъ вышеприведеннымъ,—это знаютъ и родители, и педагоги. Что же касается, въ частности, этой бесѣды и ея подробностей, то пусть позволено будетъ отнести это къ области профессиональныхъ тайнъ дѣтскаго суда и попечителя, по самому своему назначенію, обязанныхъ щадить всякую дѣтскую душу, всякую молодую жизнь, а тѣмъ болѣе добровольно довѣрившагося имъ подростка. Необходимо это еще и потому, что настоящія строки могутъ, хотя бы черезъ газеты, попасться на глаза С. или другимъ дѣтямъ, могущимъ очутиться въ его положеніи.

Съ мая 1910 г.—С. непрерывно служить писцомъ въ одномъ городскомъ учрежденіи, получая при готовомъ столѣ, квартирѣ и одеждѣ—по 8 рублей въ мѣсяць. За это время у него за конторой скопилось рублей 50 сбереженій. Нравственная связь съ попечителемъ не утрачена, а бывшая квартирная хозяйка мальчика, пожилая одинокая женщина и на рѣдкость добрый человѣкъ,—привязалась къ С., какъ къ родному сыну, и, если не замѣнила ему умершую мать, то—въ значительной мѣрѣ смягчила тяжесть этой утраты.

Малолѣтній А. (По попечительской книгѣ № 103).

А.—15 лѣтъ,—изъ мѣщанъ; живетъ въ Петербургѣ съ рожденія.

Мать умерла 9 лѣтъ тому назадъ.

Отецъ—пожилой, сѣдѣющій человѣкъ (ему подъ 50 лѣтъ)—занимается портняжнымъ ремесломъ, лѣтъ 20 работая все на одинъ магазинъ; заработокъ—отъ 25 до 40 р. въ мѣсяць. Живетъ въ комнаткѣ, платя 6 р. въ мѣсяць.

Со смертью матери—у отца на рукахъ остались двое дѣтей: дочь—12-ти лѣтъ и А.—ему тогда было 6 лѣтъ. Дочь отецъ тогда же опредѣлилъ въ одинъ изъ пріютовъ, а мальчика—оставилъ при

себѣ,—впрочемъ, только по необходимости: „некуда было дѣтъ, ни въ одинъ пріютъ помѣстить не удалось“.

Сразу же послѣ смерти матери въ домѣ появилась сожительница („приходящая“), „отецъ сталъ сильно пить, а насъ—дѣтей—бросилъ на произволъ судьбы; до нея—отецъ не пилъ, и жилось намъ хорошо,—эта женщина погубила всю нашу семью“. Такъ говоритъ сестра мальчика А.

Теперь она уже вышла изъ пріюта (ей 21 годъ) и живетъ отдѣльно отъ отца, со своимъ женихомъ. Неудобно это ей, хотѣла она до вѣнчанья жить дома, но не могла изъ за пьянства отца и изъ-за „этой женщины“. Если же сестра и бываетъ у отца—и заходитъ довольно часто,—то только потому, что ей жалко брата—любить его, да и онъ къ ней сильно привязался.

А. все время жилъ при отцѣ. Когда мальчикъ выросъ, отецъ отдалъ его въ школу, гдѣ учился онъ хорошо, но вель себя плохо; учительница, о которой онъ, впрочемъ, сохранилъ хорошее воспоминаніе („она очень добрая“), неоднократно жаловалась отцу, что сынъ его ведетъ себя худо и по улицамъ крадетъ у торговокъ молоко. Несмотря на это, А. все-таки черезъ 3 года окончилъ курсъ начальнаго училища.

Послѣ школы отецъ сталъ было обучать своему портняжному ремеслу и сына, но, видя, что „страху въ немъ нѣтъ: своего—не боится“, рѣшилъ отдать его въ ученіе на сторону, „въ строгія руки“. Въ трехъ парикмахерскихъ побывалъ А., но изъ этого—тоже „толку не вышло“, мальчикъ не ужился на первомъ мѣстѣ—въ началѣ еще жилъ хорошо, но потомъ уволенъ за грубость; за грубость же уволили его и съ двухъ остальныхъ мѣстъ: „другой нынче народъ (относилось къ ученикамъ) пошелъ“,—объяснял себѣ отецъ неуживчивость сына.

А. остался дома. Уже и сразу послѣ школы онъ научился курить и „скверно браниться“; теперь же—пошло и того хуже.

Отецъ, попрежнему занятый работой, не въ состояніи былъ присматривать за сыномъ. А.—безъ призора и занятій—росъ на улицѣ среди худыхъ, также ничѣмъ не занятыхъ товарищей, и все больше утрачивалъ свою устойчивость: началъ пить, не ночевать дома. Ко всему этому присоединилось чтеніе „выпусковъ“; впрочемъ, пинкертоновщина пошла уже послѣ, а еще раньше того—мальчикъ полюбилъ до дыръ зачитанную имъ книжонку, которую подарила ему подруга его сестры, тоже жившая съ нею въ пріютѣ. Много разъ перечитывался этотъ подарокъ и съ все возрастающимъ интересомъ; особенно сильное впечатлѣніе производила при чтеніи эта книжка въ той ея части, гдѣ описывалось, „какъ одинъ

мальчикъ сталъ разбойникомъ, грабилъ народъ—и не попадался, вель подконы въ тюрьмахъ, освобождалъ разбойниковъ“ и т. п.

Въ дальнѣйшемъ—пошли кражи: „хотѣлось хорошо одѣваться и имѣть много денегъ“. Часто бывая въ чайныхъ, А. началъ у посѣтителей деньги изъ кармановъ воровать; впрочемъ, такого рода проступки—не являлись излюбленными, и мальчикъ не проходилъ и мимо извозчичьихъ рукавицъ или кожаннаго фартука пролетки.

Дошло дѣло до суда. Участковый мировой судья 3 раза отдавалъ А. подъ отвѣтственный надзоръ отцу. Отецъ, видя, что сынъ чѣмъ дальше, тѣмъ портится больше и, такимъ образомъ, можетъ дойти до тюрьмы,—рѣшилъ, что тутъ—„такъ не сладить“, сталъ „пороть“ А., что, кромѣ „пользы“, не требовало и столько времени, какъ постоянный призоръ, на который у отца не было досуга; если эта мѣра была и сомнительной „полезности“, то все-таки на время „дѣйствовала“.

Насколько наказанія были основательны—можно судить по тому, что А. боялся отца, „какъ огня“ (отецъ), и не только дома „дома ничего не трогалъ“ (отецъ и А.), но и тѣ проступки, которые совершалъ малолѣтній, имѣли мѣсто „подальше отъ нашей квартиры, чтобъ не узналъ отецъ“ (замѣчаніе малолѣтняго). Это послѣднее дѣтское соображеніе—предосторожность—утрачивало свое значеніе тотчасъ, какъ только получалась новая повѣстка и, такимъ образомъ, А.—опять нужно было объясняться съ отцомъ.

Впрочемъ, не всегда отецъ билъ мальчика; иногда ему становилось „жалко“ сына, тогда, вмѣсто битья, онъ—мѣсяцами—держалъ малолѣтняго дома, не выпуская на дворъ. Но и эта мѣра, какъ и „порка“, не всегда помогала: слишкомъ неудержимо тянуло мальчика на улицу. Если ему долго не удавалось днемъ ускользнуть къ товарищамъ, которые условными знаками и свистомъ вызывали его на улицу, тогда А. ночью, убѣдившись, что отецъ—спитъ, черезъ фортку окна вылѣзалъ изъ комнаты и по водосточной трубѣ спускался съ третьяго этажа на улицу, чтобы убѣжать въ условленную чайную („гдѣ тайно торговали водкой“) къ товарищамъ; ими въ этой чайной иногда распивались и „сороковки“.

Съ открытіемъ камеры дѣтскаго суда—А. привлеченъ къ отвѣтственности однимъ изъ первыхъ, и о немъ сразу были заведены дѣла по тремъ протоколамъ. При разборѣ дѣлъ мальчикъ въ проступкахъ сознался, а въ бесѣдѣ съ попечителемъ, кромѣ того, обнаружались и мотивы: „раньше—оправдывали“ (такъ преломились въ сознаніи малолѣтняго все три случая отдачи его участковымъ

мировымъ судьей подѣ отвѣтственный надзоръ отцу); „думаль—и теперъ не посадятъ, а оправдаютъ“.

Исходъ своихъ новыхъ трехъ дѣлъ—онъ, отчасти, предугадалъ,—его, дѣйствительно, „не посадили“, но и не оправдали: дѣла объ А.—были отложены, а самъ онъ—отданъ подѣ отвѣтственный присмотръ (по установившейся терминологіи малолѣтнихъ, „на поруки“) попечителя, и только черезъ 10 мѣсяцевъ дѣла были рѣшены—отдачей А. подѣ отвѣтственный надзоръ его отцу, т. е. окончены, такъ какъ за все это время—у малолѣтняго не было ни одного новаго проступка, и къ концу присмотра—А. вель себя хорошо и былъ на работѣ.

Конечно, въ періодъ присмотра—въ поведеніи малолѣтняго было не безъ колебаній въ дурную сторону: сразу трудно было ему отвыкнуть и отъ товарищей, и отъ укоренившихся привычекъ, да и домашняя обстановка была крайне неблагоприятна для исправленія А. Понадобился, поэтому, присмотръ—длиннѣе обычнаго (норма—6 мѣсяцевъ) и не мало усилій; о послѣднихъ—могутъ дать нѣкоторое представленіе хотя бы тѣ 20 личныхъ свиданій (вначалѣ—болѣе частыхъ и рѣже—къ концу) попечителя съ малолѣтнимъ и его родными и 7 писемъ, которыя зарегистрированы въ соответствующемъ листѣ попечительской книги.

Но, быть можетъ, не лишне будетъ здѣсь же привести кратко сущность черновой, по присмотру—работы попечителя, сущность нѣкоторыхъ записей за это время; онѣ—записи—дополняютъ картину условій жизни мальчика и исторію его „выпрямленія“.

Въ одно изъ первыхъ посѣщеній попечителя—отецъ сообщилъ ему о случаѣ, бывшемъ съ А. болѣе года тому назадъ. Хозяйка дома, въ которомъ жилъ съ отцомъ малолѣтній, поручила послѣднему сходить въ аптеку; данъ былъ рецептъ и 2 рубля денегъ. Дорогой—А. рецептъ утерять и, боясь наказанія со стороны отца, скрылся изъ дому, приславъ, однако, хозяйкѣ—ея деньги.

Особенно худо, по словамъ отца, сынъ сталъ вести себя за послѣдній годъ; главнымъ образомъ съ этого же времени сталъ не ночевать дома и вовсе пропадать по цѣлымъ мѣсяцамъ. Влеченіе къ товарищамъ, чайнымъ и уличной жизни было такъ сильно, что, несмотря на отцовскія угрозы и наказанія, мальчикъ даже ночью—путемъ, уже описаннымъ выше—уходилъ гулять. И отецъ, не будучи въ силахъ справиться съ сыномъ и заставить его сидѣть дома, держалъ его верхнюю одежду и обувь взаперти („голый ужъ не убѣжитъ“), а уходя изъ дому—и самого мальчика запиралъ въ комнатѣ на замокъ, если некому (квартирная хозяйка, жильцы) было его препоручить.

Послѣднюю мѣру отецъ сталъ примѣнять и при начавшемся присмотрѣ. Попечитель настоятельно рекомендовалъ отцу отмѣнить ее, только озлобляющую А. и отпугивавшую его отъ отца; предлагалъ, взамѣнъ этого, болѣе цѣлесообразные способы вліянія: убѣжденіе, воздѣйствіе словомъ, довѣріе къ добровольному желанію самого мальчика—измѣнить свое поведеніе къ лучшему и, наконецъ, заставить сына работать съ собой, если отецъ боится („ворочать будетъ“) ставить его на мѣсто къ другимъ.

Но отецъ—стоялъ на своемъ и продолжалъ считать спасительными только страхъ, битые, и это „средствіе“ (держать безъ одежды и не выпускать изъ дому). Впослѣдствіи, однако, оказалось, что не всегда отецъ былъ послѣдователенъ въ примѣненіи своей „воспитательной“ системы и, когда это ему было нужно, охотно отступалъ отъ нея.

Въ одно изъ слѣдующихъ своихъ посѣщеній—попечитель лично убѣдился въ этомъ; онъ натолкнулся на такую картину: комната найдена была запертой и попечителю пришлось бы уйти, но квартирная хозяйка сказала, что отецъ дома. На стукъ дверь открыла полураздѣтая женщина; попечитель попросилъ прикрыть дверь и одѣться, но она продолжала не обращать вниманія; показался въ это время въ дверяхъ и отецъ, предлагая войти. И отецъ, и эта женщина (это и была „погубившая семью“) — были въ одномъ бѣльѣ и до крайности—пьяны. Говорить о мальчикѣ въ этотъ разъ—при такой обстановкѣ—было бесполезно, такъ какъ отецъ еле ворочалъ языкомъ: „веселимся“...—и на вопросъ попечителя, гдѣ находится А.,—отвѣтилъ: „мы выслали на улицу... пусть гуляетъ“...

А между тѣмъ—попечитель достовѣрно зналъ, что отецъ передъ тѣмъ никуда не отпускалъ сына и все время держалъ его въ комнатѣ безъ обуви и въ одномъ бѣльѣ. Малолѣтняго эта суровая мѣра крайне тяготила, онъ не зналъ, что съ собой дѣлать, куда дѣвать время, томился своимъ бездѣльемъ (отецъ не позволялъ и съ собой работать: „какой изъ него портной?“) и бывалъ очень радъ, когда къ нему приходила сестра; только во время ея посѣщеній и могъ А. нѣсколько отдохнуть и развлечься.

Послѣ этого случая—попечителю пришлось посѣтить сестру мальчика (больше не на кого изъ родныхъ было опереться въ присмотрѣ), указать на неблагопріятную обстановку, въ которой живетъ ея братъ, и посоветовать ей—взять брата къ себѣ. Но сестра, жившая у жениха все еще на положеніи невесты и потому — неувѣренная въ прочности своего положенія, не могла рѣшить этого вопроса одна, тѣмъ болѣе, что, А. могъ худымъ своимъ поведеніемъ уронить ее во мнѣніи жениха или, въ случаѣ кражи, скомпромети-

ровать, опозорить сестру и въ глазахъ квартирной хозяйки и ея жильцовъ. Это и поселяло въ сестрѣ опасеніе, хотя лично она — изъ жалости къ брату — и хотѣла бы помочь ему. — Обѣщала переговорить со своимъ женихомъ объ этомъ.

Вскорѣ сестра пришла къ попечителю и сказала, что женихъ согласился, чтобъ она взяла къ нимъ жить своего брата, и даже обѣщала похлопотать о мѣстѣ для него, когда на его поведеніе можно будетъ надѣяться.

А. былъ взятъ отъ отца. Благодаря тому, что женихъ имѣлъ хорошее мѣсто (техникъ), сестра могла занятій на сторонѣ не имѣть, жить дома. Она все время удѣляла А., старалась его занять, водила съ собой на прогулку, записала въ городскую библіотеку-читальню, покупала ему учебныя книги и тетради и, какъ умѣла, занималась съ нимъ рисованіемъ и общеобразовательными предметами, — словомъ, стремилась помочь брату „отрезвиться“ отъ прежней жизни. — Мальчикъ сначала съ увлеченіемъ занимался рисованіемъ (особенно правилось рисовать дома и корабли), чтеніемъ и выпиливаніемъ по дереву. Но черезъ нѣкоторое время — эта охота къ занятіямъ пропала, и А. заскучалъ: его опять потянуло къ старымъ товарищамъ; къ тому же — съ ними онъ могъ — незамѣтно для сестры — увидѣться во время прогулокъ съ нею; — недаромъ, когда сестра проходила по улицѣ одна — какіе-то незнакомые ей мальчики часто спрашивали у нея, гдѣ ея братъ и почему онъ къ нимъ не ходитъ.

Послѣ одной прогулки вдвоемъ А. сестру обманулъ и самовольно ушелъ (за время жизни мальчика у сестры — это былъ единственный случай) къ своимъ товарищамъ. Черезъ часъ онъ вернулся къ сестрѣ и все ей рассказалъ: былъ онъ у своего пріятеля, недавно вышедшаго изъ тюрьмы, разспрашивала его, какъ „тамъ“; по описаніямъ пріятеля, оказалось, что „тамъ — хорошо, — весело“.

Чтобъ избѣжать въ дальнѣйшемъ повторенія такихъ случаевъ, сестра, съ разрѣшенія Мирового Судьи, по дѣламъ о малолѣтнихъ, вскорѣ увезла мальчика *съ собой на дачу, гдѣ онъ и провелъ лѣто*. Все время вель себя тамъ, какъ писала сестра, хорошо, увлекался рыбной ловлей, играми; много гулялъ.

По возвращеніи осенью съ дачи въ Петербургъ — вмѣстѣ съ сестрой — А. еще три мѣсяца (до отдачи подъ надзоръ) находился подъ присмотромъ и вель себя хорошо. Къ концу присмотра мальчикъ уже чувствовалъ себя неловко — при случайномъ упоминаніи о его прежнемъ поведеніи, старыхъ проступкахъ или бывшихъ товарищахъ; явилось желаніе работать: онъ даже самостоятельно нашелъ себѣ мѣсто въ парикмахерской, — и если хозяинъ черезъ 3 дня

„пробы“ на его мѣсто взялъ другого мальчика, — то только потому, что А. оказался малъ („вѣшалки не достаю“).

Но въ это время уже и сестра съ женихомъ не боялись устраивать малолѣтняго на работу, — надѣялись, что будетъ жить: А. былъ опредѣленъ ими служащимъ при баняхъ; тамъ живетъ и сейчасъ, въ ожиданіи вакантнаго мѣста на заводѣ, выхлопотаннаго бывшимъ женихомъ, а теперь — мужемъ сестры.

Уже послѣ окончанія дѣлъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, составленъ на А. новый протоколъ и въ дѣтскомъ судѣ заведено было новое дѣло. Но при разборѣ его — судья выяснилъ, что обвиненіе — ни на чемъ не основано. А. — былъ оправданъ. Характерны были на судѣ мотивы и аргументы обвиненія: обвинитель (жилъ онъ въ въ одномъ съ малолѣтнимъ районѣ) говорилъ, что у него совершена кража, а „сына портного — всѣ знаютъ“.

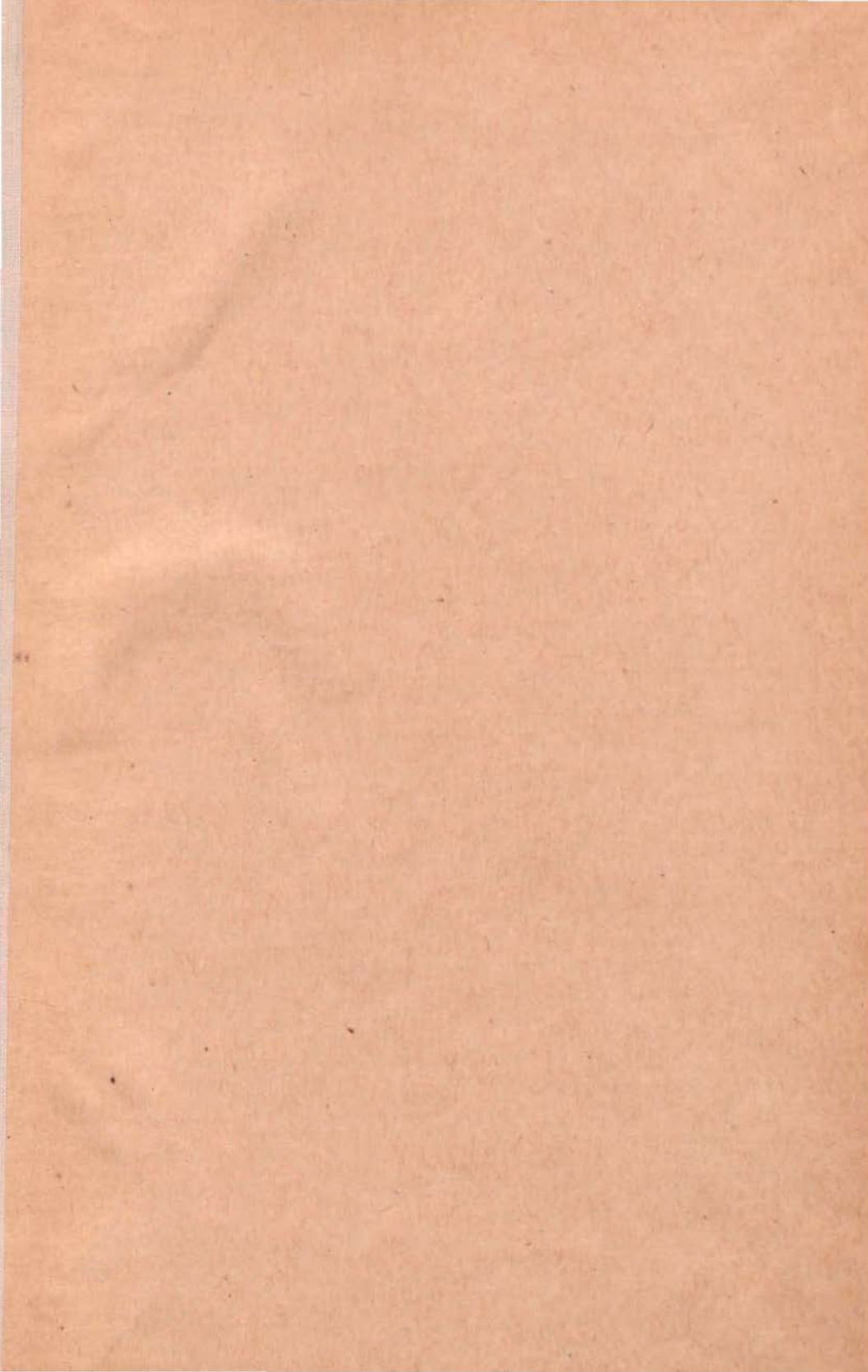
Но это уже была „отшумѣвшая“ слава: А. теперь онъ жилъ на дѣлѣ.

Съ удовлетвореніемъ пришлось отмѣтить въ этотъ разъ, что мальчикъ еще до вынесенія приговора былъ обвиненіемъ оскорбленъ, чего при прежнихъ дѣлахъ не замѣчалось. Благопріятное впечатлѣніе производила и вѣщность А.: чисто былъ одѣтъ (прежде — онъ всегда былъ оборванъ, и это его мало тяготило), да и съ лица выглядѣлъ другимъ: не было на лицѣ ни синяковъ — („нечаянно“ подбилъ), ни паранинъ, (также „нечаянно“ оцарапалъ), безъ чего прежде — А. обходился рѣдкій день.

2010517433